

Елена
Михалкова

Манускрипт
962/01а

Расследования Макара Илюшина и Сергея Бабкина

Елена Михалкова

Манускрипт дьявола

«АСТ»

2010

Михалкова Е. И.

Манускрипт дьявола / Е. И. Михалкова — «АСТ»,
2010 — (Расследования Макара Илюшина и Сергея
Бабкина)

ISBN 978-5-17-069688-8

В начале двадцатого века в итальянском монастыре была найдена зашифрованная средневековая рукопись с необычными рисунками. Тайна ее не раскрыта до сих пор. Наталья Куликова пытается расшифровать загадочный текст, известный как манускрипт Войнича. Связано ли похищение девушки с тем, что она подошла слишком близко к отгадке? Максим Арефьев – успешный охотник за кладами. Вот и сейчас он близок к самой большой удаче в своей жизни. Но есть люди, готовые на все, чтобы остановить его в шаге от цели. Эдвард Келли, авантюрист и придворный алхимик, жаждет славы и богатства. Но королевский двор полон интриг и не благосклонен к чужаку. И тогда Эдвард выбирает иной путь... Таинственная рукопись поможет ему достичь желаемого. Но какова будет цена? Три линии сплетаются в новом детективном романе Елены Михалковой. Любовь. Предательство. Вражда. Все герои романа оказываются вовлечены в водоворот, перемешавший события средневековья и нашего времени. Кому откроет свою тайну манускрипт дьявола?

ISBN 978-5-17-069688-8

© Михалкова Е. И., 2010

© АСТ, 2010

Содержание

Глава 1	6
Глава 2	17
Глава 3	38
Глава 4	49
Конец ознакомительного фрагмента.	52

Елена Михалкова

Манускрипт дьявола

Рукопись Войнича (англ. Voynich Manuscript) – таинственная книга, написанная около 500 лет назад неизвестным автором на неизвестном языке с использованием неизвестного алфавита.

Рукопись Войнича пытались расшифровать множество раз, но до сих пор без всякого успеха.

Единственный вывод, который сделали специалисты, – текст написан на искусственном языке, имеющем четкую логическую структуру.

*Книга стала «Святым Граалем» криптографии...
Большая советская энциклопедия*

Книга лежит передо мной. Тонкая, не толще дюйма, и очень легкая. Я нес ее, закутав в плащ, и пару раз по дороге останавливался, чтобы проверить: не выпала ли она, не исчезла ли. Ночь тяжело дышала за моим плечом, и я оборачивался через каждые десять шагов, пока не понял, что слышу собственное дыхание.

Двери... Засовы... Скрипучая лестница – по ней давно уже не ходит никто, кроме меня... Узкое распахнутое окно, в которое врывается предутренний ветер, пробирающийся до костей. Я дрожу от холода и от того, что шел по ночному городу без плаща, а вовсе не от того, что на моих руках кровь.

Я сказал – кровь? О нет! Руки мои чисты. Лезвие испачкалось, быть может, – но мне не впервой оттирать его. Нет ничего позорнее для хорошего клинка, чем не послужить по назначению своему хозяину, хотя прежде я преодолевал препятствия иными путями.

До сегодняшней ночи.

Черт возьми, надо бы выкинуть произошедшее из головы и думать о том, что ждет меня завтра... Книга лежит передо мной на столе у приоткрытого окна, по карнизу которого уже топчутся голуби, готовясь встречать рассвет.

На обложке ее ни названия, ни рисунка, ни даты. Я видал книги, украшенные столь богато, что блеск их камней затмевал блеск заключенной в них мысли. Я видел книгу, которую несли на спинах четыре мавра, и капли пота катились по лбу каждого, как если бы их ноша была каменной плитой. Я видел книгу, страницы которой были ржавыми от пролитой над ней крови.

Но не было ни одной, при взгляде на которую мое чутье шепнуло бы: «Эдвард, если она станет твоей, то изменит твою жизнь!» А моему чутью можно верить.

Первый раз в жизни, как ни смешно, я ощущаю что-то вроде благоговения. Вскоре мне придется отдать ее; вскоре чужие руки прикоснутся к тонкому пергаменту и чей-то жадный взгляд будет изучать рисунки и слова, на первый взгляд, не имеющие никакого смысла... Но пока – я ее хозяин! И хотя власть моя подобна власти обладателя запертого сундука с драгоценностями, от которого у него нет ключа, и скоро ей придет конец, – я все равно чувствую, что где-то в невидимых сферах ангелы обернулись ко мне и милостиво взирают сверху вниз, готовясь осыпать меня благами земными. А все лишь потому, что эта книга попала в мои руки.

Она изменит мою судьбу.

Глава 1

Бежать в сторону реки было ошибкой. Максим понял это слишком поздно – когда черная полоса леса осталась далеко за его спиной. Обернувшись, он увидел две одинаковые фигуры: они отделились от деревьев и пересекли дорогу, разграничивающую лес и поле. «Догонят. Как пить дать догонят».

Земля размокла после дождя, и вязкая грязь чавкала под его ногами. Когда двадцать минут назад Макс выскользнул из жарко натопленной комнаты в темную прихожую, времени искать кроссовки не оставалось, и он схватил первое, что подвернулось под руку, – огромные резиновые сапоги. Теперь они хлюпали при каждом шаге, мешали, и он давно сбросил бы их, если бы не понимал, что босиком далеко не убежит: распорот ногу о какую-нибудь корягу на берегу – и, считай, все, пропал Максим Арефьев.

Почему, почему он не рванул в деревню?! Постеснялся, дурак! В самом деле, смешно: здоровый парень выскакивает из избы и начинает голосить что есть силы: «Спасите! Помогите!» Макс никогда не боялся быть смешным, но в этот раз что-то остановило его.

Может быть, то, что он не до конца был уверен в намерениях человека, сидевшего напротив него за столом?

По правде говоря, даже сейчас, проваливаясь в грязь и оборачиваясь через каждые пять шагов лишь затем, чтобы убедиться: дистанция между ним и преследователями быстро сокращается, – Макс все равно не мог поверить окончательно. Ничто не предвещало, что из человека, которого он знал много лет, в один прекрасный вечер высунется чудовище и глянет на Макса проникновенными глазами. «Я совсем забыл: как ты расшифровываешь эту бумажку?»

До этой фразы все шло нормально или почти нормально. Конечно, Максим удивился, когда в двенадцать ночи раздался телефонный звонок, а час спустя в его развалюху ввалились трое, двоих из которых он видел впервые. Но объяснение «решил заглянуть к тебе с приятелями», сказанное самым беззаботным тоном, его устроило. Правда, приятели были странноватые – молчаливые, с задумчивыми взглядами, – но Макс повидал в своей жизни немало спортсменов и делал скидку на особенности их поведения.

– Это – Сеня, а это – Гарик! – бодро представил их гость. – Бокс и гребля.

Имена тут же вылетели у Макса из головы, и мысленно он стал называть этих двоих: «Бокс» и «Гребля». Бокс расположился на диванчике, извлек из кармана колоду и принялся неумело перекидывать карты, то и дело роняя их на пол. Гребля занял старое плешивое кресло, согнав с него такую же старую плешивую кошку, и сидел молча, наблюдая за упражнениями приятеля и лишь изредка поглядывая на Макса.

Из холодильника извлекли водку и трехлитровую банку соленых огурцов, плававших в мутном рассоле, а в морозилке нашелся желтоватый кусок копченого сала. Макс не был любителем выпивки, но приехавшие хором объявили, что грех не отметить встречу, и он не стал возражать.

– Значит, ты все-таки его нашел! – сказал гость, отодвинув пустую рюмку. – Ну что, рассказывай!

– Почти нашел, – поправил его довольный Максим. – Завтра собираюсь туда наведаться, как станет светло.

– Почему не сейчас?

– Долго объяснять... Завтра, завтра. Гость покачал головой, усмехнулся:

– Темнишь! Таинственности нагоняешь... Говори уж, здесь все свои.

Они по-прежнему сидели за столом вдвоем. Над их головами тихонько раскачивалась лампочка, вокруг которой вилась одинокая молчаливая муха. Она не жужжала, и от этого Макс отчего-то было не по себе.

– Может, ты Гарика с Сеней стесняешься? – догадался гость. – Они свои люди! Если стесняешься, скажи мне на ухо – я никому не передам. Или не доверяешь?

– Да при чем здесь... Хватит ерунду говорить! Доверяешь, не доверяешь... Ты же знаешь: мы – народ на всю голову сдвинутый, делимся только тогда, когда все уже в руки пришло! – Максим усмехнулся, показывая, что шутит, что все не всерьез.

Собеседник откинулся на спинку стула и безнадежно махнул рукой:

– Черт с тобой! Ну хоть про клад тогда ребятам расскажи. Я им по дороге начал твои истории повторять – и сбился. А Сене с Гариком интересно.

Бокс и Гребля дружно посмотрели на Максима, изобразив на лицах интерес.

– Да что там такого... Ну, легенда. В каждой деревушке такие есть.

Он все-таки начал рассказывать, сперва неохотно, но постепенно увлекся. Его обычная молчаливость исчезла, сменившись заново переживаемым азартом поиска, непередаваемым ощущением близости к *тайне*, ради которого он и шел каждый раз в поход. Сидевший напротив человек время от времени прерывал Макса словами «за это надо выпить!», и они выпивали, закусывая теплыми и оттого противными огурцами, а затем он снова возвращался к своей истории, которую, кажется, рассказывал уже самому себе, а не троим визитерам.

Его собеседник слушал внимательно, и глаза у него горели. Он перебил Максима лишь один раз:

– Откуда ты знаешь, во сколько оценили ожерелье?

– Потом, потом, это неважно! – раздраженно отмахнулся Макс. – Ты пойми: я все поле перерыл, весь лес исходил, у меня вон монет старинных полный мешок набрался... – Он небрежно кивнул в сторону комода, на котором были разложены тусклые кругляши. – Но чувствовал, что все не то, не то! Не успела бы она зарыть украшение. Значит, спрятала в господском доме, правильно? Но в том-то и дело, что его тоже обшарили перед тем, как сжечь! Все нашли – кроме ожерелья! По кирпичикам разобрали – так мне местный дед-краевед рассказывал, Онищев. Ходил я, ходил – все без толку! А потом понял.

Макс замолчал, вспоминая, как это было. Он действительно ходил по комнате – и вдруг *увидел*, как все произошло тогда, чуть меньше века назад. Единственное объяснение, ставящее все на свои места.

Он бросился бы к Онищеву немедленно, но тот, как назло, уехал до следующего утра, а врываться в дом к старику, ломая дверь, Макс счел неоправданной глупостью и полным мальчишеством. В конце концов, можно и подождать одну ночь.

– И тогда ты мне позвонил... – подытожил гость, дослушав рассказ.

– Кому ж еще? – рассмеялся Макс, чувствуя, что его охватывают легкость и кураж. – Кто больше всех надо мной смеялся, а? Кто мне не верил? Завтра убедишься, что я был прав!

– А если тебе ночью кирпич на голову упадет? – пробурчал Гарик, придвинувший свое кресло вплотную к столу. – В смысле, балка? Или, там, сердчишко прихватит...

– О, тут ты в точку попал, Гарь! – расхохотался собеседник Макса. – Но на этот случай наш великий кладоискатель так подстраховался, что ему ничего не страшно. Макс, признайся, ты до сих пор самому себе записочки пишешь? Точно, пишет!

– Пишу, конечно.

Видя, что на него устремлены непонимающие взгляды, Максим пожал плечами и улыбнулся:

– Я же говорю, у всех свои бзики. У искателей ходит байка о парне, который нашел клад Степана Разина.

Это, если кто не знает, легендарный клад, и многие в него верят.

– А ты?

– Даже не знаю... Пожалуй, верю. Но только не в один клад, а в несколько, которые схоронены в разных местах. Посуди сам: нелогично все яйца в одну корзину складывать.

– Давай про Разина, – не выдержал Гарик. – Нашел тот парень деньги – и что?

– Не деньги, а вход в подземелье. Искатели, которые серьезно занимаются кладом Разина, говорят, что все его схроны сделаны по берегам рек в подземельях или пещерах. Тот парень наткнулся на подземелье, вернулся к своей палатке и поехал на машине за подмогой в ближайшее село. А там по дурацкой случайности ему попались агрессивные местные подростки, которые стукнули беднягу по голове, снаряжение отобрали, а его самого бросили валяться в кустах. Очнулся он в больнице и два месяца даже имени своего вспомнить не мог.

– Потом-то вспомнил?

– Потом – да. А вот про то, где нашел вход в подземелье, начисто забыл. Так и не вспомнил.

– Да ну, лажа какая-то... – фыркнул второй спортсмен. – Что, чуваку не под силу было снова вернуться на то место и найти вход в эту свою пещеру, или чего там Разин нарыл?

– Ты представляешь себе расстояние, которое искатель может пройти за сутки? – вопросом на вопрос ответил Макс, морщась от выпитой водки, вовремя подлитой кем-то из сидевших за столом. – Если он по всему берегу искал это подземелье, а вход, например, завален камнем, то потом хоть обыщись – не найдешь его. Я и не говорю, что эта история правдива. Просто когда я ее услышал, то выводы для себя сделал.

– И ты все-все записываешь, что в голову придет? – уточнил гость. – И шифруешь?

– Нет, конечно! Для повседневных заметок у меня есть дневник, в нем я никакими шифрами не пользуюсь. Но если что-то важное, как сегодня, то пишу самому себе письмо. На случай, если меня тоже по башке стукнут, как Витьку... Чтобы не было мучительно больно за бесцельно пройденные километры.

Он засмеялся и подумал как-то мимолетно, что совершенно опьянел. Ничего, сегодня разрешается. В конце концов, осталось подождать совсем немного, а потом он пойдет к старику, и... А вот врать насчет шифра не стоило! Не боялся он, что его стукнут, никогда и не думал об этом. Просто у всех копателей свои традиции, иногда дурацкие, иногда смешные. Суеверия, нужные словечки... Макс давно придумал свой ритуал: если после долгих поисков догадывался, в каком месте спрятан клад, тут же останавливался, доставал бумагу и ручку и записывал свою догадку, а потом подкидывал над листочком золотую монету времен Николая Второго. Была у него одна такая... тоже непростая, счастливая. Если монета падала орлом вниз, значит, ошибся он с местом и его ждет неудача – можно смело начинать поиски по новой. Но чаще всего орел оказывался сверху, и тогда Максим поздравлял себя, еще не видя самого клада, но уже зная, что доберется до него.

Признаваться в эдаких танцах с бубном было неловко – вот он и выдумал прагматичную причину. Еще и Витьку приплел...

– Можно хоть посмотреть на твой шифр, а? Ты же знаешь: я в жизни его не разберу.

Максим вздрогнул, поднял осоловевшие глаза на собеседника.

– А правда, дай взглянуть? – поддержал того один из спортсменов – кажется, Гребля. Пли Бокс. Макс уже успел забыть, кто из них кто, и от этого ему снова стало смешно.

– Па-ачему бы и не посмотреть? – проговорил он, усмехаясь и чувствуя, что язык заплетается. Определенно, последняя рюмка была лишней. Когда он рассказывал про клад, хмель не успел так ударить в голову, но вот сейчас...

Мысль Макса вернулась к бумажке, которая лежала в его нагрудном кармане. Он вытащил ее, театрально развернул, удивляясь самому себе – что это на него нашло? – и припечатал широкой ладонью к столу.

Три человека склонились над его запиской, затем отодвинулись.

Хочешь сказать: здесь написано, где твой клад? – усомнился Гарик.

Именно так.

А ты не боишься, что тебе так двинут по башке, что ты и шифр забудешь? – хмыкнул второй.

Макс развел руками:

– Если так, значит не судьба! Кроме меня этот текст может расшифровать только один человек. Да и то не факт.

Он сощурился на бутылку, думая, что все идет просто замечательно, и ребята эти нормальные, зря он счел их туповатыми, и хорошо, что они так славно сидят все вместе, а еще лучше, что скоро рассветет и можно будет пойти к Онищеву...

– Кстати, совсем забыл, – протянул гость, глядя на Макса и улыбаясь, но словно не ему, а кому-то за его спиной. – Как ты расшифровываешь эту бумажку?

В наступившей тишине вдруг громко зажужжала молчаливая муха. Спортсмены сидели почти неподвижно, но один из них тасовал колоду с бешеной скоростью, словно и не ронял неуклюже карты на пол каких-то три часа назад. Максим поднял глаза на человека, задавшего ему этот вопрос, и вдруг все понял.

Он протрезвел моментально. Все, что должно было произойти с ним в ближайшее время, читалось в глазах троих людей, ожидавших его ответа, но отчетливее всего – во взгляде того, кто задал ему простой вопрос.

На секунду время остановилось, и даже звуки растянулись: быстрый шелест карт превратился в одно долгое замедленное «ш-ш-ш-ш...». Под этот длинный однообразный аккомпанемент кто-то произнес у Максима в голове одно слово. «Бежать».

– Расшифровываю... – пробормотал Макс. – Элементарно я ее расшиф... шевро... фро... ваю...

Он встал, обвел глазами комнату и прижал ладонь ко рту. Постоял, покачиваясь, а потом издал булькающий горловой звук. Судя по безразличному выражению лица собеседника, вышло у него вполне натурально.

– Щас... – выдавил Макс. – Вернусь – расскажу! Шатаясь, он вывалился из двери в темное холодное помещение, услышав презрительно брошенное вслед: «Готов!» Сказавшему что-то ответили, но Максим плотно прикрыл за собой дверь, и обрывок фразы пропал.

За дверью все его мнимое опьянение как рукой сняло. Он схватил с вешалки куртку, сунул ноги в первое, что попало вниз, – это оказались резиновые сапоги хозяина, сдавшего Максиму свою хибару на две недели, – и, стараясь ступать бесшумно, пошел к входной двери.

Майская ночь после пролившегося накануне дождя окатила его свежей весенней сыростью и холодком. Он нырнул в эту сырость, торопливо застегивая куртку до самого подбородка, и, подняв воротник, шагнул за калитку. Спустя минуту деревня осталась за спиной.

Обернувшись, Макс увидел, что огни горят в единственном доме – там, где ждали его гости. Он сглотнул и ускорил шаг. Деревня, за деревней лес, за лесом поле, за полем река... Он повторял это про себя как стишок до тех пор, пока крыши домов не скрылись за поворотом.

Он всегда был немножко тугодумом, и Тошка посмеивалась над ним за это. Но решение идти к реке Максим принял быстро: там, в зарослях неподалеку от обрыва, один из местных рыбаков всегда оставлял свою лодчонку. На ней он и собирался перебраться на другую сторону, где в паре километров от берега раскинулось большое село.

«Найду где переночевать, утром вернусь – и сразу к деду. Днем, при деревенских, они не посмеют...»

На этой мысли Макс споткнулся о корень, переползающий лесную дорогу, и едва удержался на ногах, схватившись за мокрую сосновую ветку. Длинные иголки впились ему в ладонь.

«А если я ошибся?»

До сих пор он действовал, не раздумывая, но теперь гнетущее сомнение охватило его. Вдруг он все придумал? Слишком много выпил, опьянел, из подсознания полезли страхи... Подумаешь, люди приехали к нему в гости, любопытно им стало посмотреть на человека, который ищет клады! Тем более, что он сам позвонил, на радостях выложил, что, кажется, понял, где спрятаны драгоценности Провординой. Ему хотелось поделиться хоть с кем-то, а Тошкин телефон противным голосом извещал его, что она недоступна или находится вне зоны действия сети. Черт знает что такое! Это он в своей тьмутаракани должен находиться вне зоны действия сети, а не Тошка, сидящая себе в московской квартире и рисующая на стенах крылатых бегемотов.

И тогда он позвонил человеку, чей номер был записан следом за ее. Тому, кто сидел сейчас в домишке на окраине деревни и, наверное, недоумевал, куда же делся Максим. Пройдет еще пять минут, и он выйдет на улицу, обеспокоенный, и станет искать его – сперва в саду, – а не найдя, скорее всего, поднимет тревогу...

Чем дольше Максим стоял, тем больше убеждался, что сплупил, нафантазировал бог знает чего и теперь выставил себя в самом постыдном свете. В конце концов он вздохнул и повернулся, собираясь возвращаться и думая, как бы поизящнее объяснить свою внезапную ночную прогулку.

Дорога в бледном лунном свете просматривалась почти до самой деревни – волнистая желтая лента, густо заштрихованная с обеих сторон ветвями. И в самом начале этой ленты стояли два графически четких силуэта, похожие на вырезанных из бумаги человечков.

Макс дернулся и застыл на месте, но было поздно – его заметили. Человечки синхронно сдвинулись с места по направлению к нему и побежали, наращивая темп.

Именно их скорость убедила Максима в том, что преследователи мчатся за ним вовсе не затем, чтобы поинтересоваться его самочувствием. Отступив на шаг назад, он запнулся о тот же самый корень, вздрогнул и со всех ног бросился в сторону поля.

Они догнали его на самом краю откоса, где он задержался на несколько секунд: слишком уж страшно было прыгать вниз с такой высоты, а до пологого песчаного спуска он не успел добраться. Первый сбил его с ног с таким расчетом, чтобы Макс оказался как можно дальше от обрыва, второй ударил упавшего под дых. Толстая куртка смягчила удар, но у Макса все равно пресекло дыхание, и старая травма позвоночника дала себя знать глухой болью.

– Умный ты какой... – деловито сообщил один из спортсменов, наклоняясь над Максом и рывком поднимая его на ноги. – Давай, двигай! Топай обратно, тебя заждались!

Второй ударил снова, но на этот раз Макс успел собраться и перехватил удар.

Они не ожидали от него отпора, хотя могли бы – как-никак, он вовсе не выглядел офисным хлюпиком. Макс дернул нападавшего за руку, уклонился в сторону – и тот грохнулся на землю, проехав носом по подстилке из сосновых колючек. Обернувшись ко второму, Максим приготовился отразить нападение, но опоздал. Все-таки он имел дело с профессионалом.

Град коротких, но жестоких ударов обрушился на него со всех сторон. Макс не успевал закрываться от них, и в конце концов упал, стараясь защитить живот и лицо. К боксеру присоединился его поднявшийся приятель, и они принялись пинать Макса вдвоем, уgomонившись только тогда, когда он перестал шевелиться и замер, скрючившись на холодной земле.

– Сука! – злобно сплюнул в его сторону первый. – Поднимай его, Гарик. Потащили этого уroda.

Макса грубо перевернули. Тот, кто стоял, наклонившись над ним, помолчал, сопя, потом сказал с неохотой:

Слышь, Сень, по ходу, ты его сделал. Щас коньки отбросит.

Да и... с ним! – огрызнулся второй. – Все равно не жилец. Хоть так, хоть эдак.

Зря... Как без него-то? Кто теперь этот его... шифр прочитает?

Кто-нибудь да разберет. Это фигня, а вот как нам его обратно дотащить? Давай ты обратно за машиной, а я здесь подожду.

Когда стихли удаляющиеся шаги, Макс поднял голову и застонал. Тотчас же сильный удар ногой отбросил его на шаг назад, ближе к обрыву.

– Повякай мне еще, тварь!

Макс попытался что-то сказать, но разбитые губы не слушались, и изо рта вместо слов вылетало неразборчивое шипение. Сделав колоссальное усилие, он приподнялся и провел ладонью по лицу. На ладони остался темный след – кровь пополам с землей. «Все равно не жилец. Хоть так, хоть эдак», – бесстрастно повторил у него в голове тот же голос, который часом ранее приказал ему бежать.

– Шифр... – выдавил Макс.

– Чего?

– Скажу... шифр...

Ему удалось сесть на колени, опираясь ладонями о землю. Один сапог свалился с него в драке, второй слетел, когда Макс упал и его начали бить. Парень в кожаной куртке стоял над ним, слегка расставив ноги, в такой позе, словно собирался помочиться на Макса.

– Скажу! – прохрипел Максим громче. – Только не убивай!

– На хрена мне твой шифр?! Где клад спрятан? А?

– Я покажу, – заторопился Макс. – Вот... Здесь отмечено...

Он с трудом стянул куртку, разложил перед собой и принялся рыться в одном из внутренних карманов, стиснув зубы от боли – похоже, указательный вывихнут, а то и сломан. Спортсмен присел на корточки, заинтересованно глядя на него.

– Правда, что ль, покажешь? Ну, давай. Чего там у тебя? План, да?

– Вот. Возьми.

Ему и в самом деле было тяжело разгибать руку, чтобы протянуть зажатую в кулаке бумагу. Поэтому его охраннику пришлось наклониться, и тогда Максим со всей силы ударил его ребром ладони чуть ниже затылка. Вскочил, не чувствуя онемевшего тела, преодолел три шага, отделявшие его от обрыва, оттолкнулся – и полетел вниз, в темноту.

Черная вода под ним разошлась, а затем сомкнулась, будто сдвинулись ледяные челюсти и начали методично перемалывать попавшую в них добычу. Макса закрутило сначала в одну сторону, потом в другую, и он уже не мог сообразить, куда плыть, чтобы выбраться на поверхность. Обжигающий холод сковал его так, что он остекленел и еле шевелил руками и ногами. Мелькнула мысль, что идея сбросить сапоги и куртку могла казаться дельной лишь на берегу, когда он еще не знал, что его ждет. А здесь, в реке, неважно, что именно поможет ему быстрее утонуть.

Утонуть... Но ему нельзя тонуть! От того, выживет он или нет, теперь зависит жизнь еще одного человека!

«Тошка! – позвал Максим, пробиваясь туда, где вода казалась чуть светлее, и ощущая непреодолимое желание вдохнуть всей грудью. – Спасайся! Беги, Тошка!»

В голове ударил ледяной звон и разбился на тысячи осколков.

* * *

– Что он тебе дал? Ну?!

– Бумагу туалетную сунул... – сквозь зубы проговорил Семен. – Я думал...

– Кретин! Ты кретин, а не он! Оба вы кретины! Я вам что сказал?! Поймать и привести обратно! А вы что сделали?! Завтра его труп выловят, и что тогда?

– Так это... решат, что с деревенскими подрался. Он же сам рассказывал про того парня, которому башку проломили... – несмело протянул Гарик.

– Какими деревенскими?! Ты видел, сколько домов в этой деревне? Здесь два с половиной инвалида на сорок квадратных километров!

– Может, решат, что кто-то хотел у него про клад выпытать... – предположил Семен. – Поэтому и...

Он осекся, поймав выразительный взгляд.

– Вот именно! И этот «кто-то» – мы. Черт, черт, черт!

Человек, очень много поставивший на карту в игре с Максимом Арефьевым, отошел на край берега, втягивая воздух подрагивающими от бешенства ноздрями. Он сорвался из Москвы, проделал такой путь с этими двумя идиотами, почти разговорил Макса, напоив его, – и чем все закончилось?! Тем, что он остался с запиской, которую не может прочесть.

Конечно, можно обратиться к специалистам по дешифровке, но кто знает, что записал Макс своим хитрым кодом... К тому же вполне может статься, что его шифр окажется слишком сложен для них. Не зря же они с Тошкой последние десять лет только тем и занимались, что... Стоп. Как там сказал Макс? «Кроме меня, этот текст может расшифровать...» Минуточку!

Он обернулся, и, заметив улыбку на его лице, оба помощника подались назад.

– Вот что, придурки, – ласково сказал он. – Живо в машину, гоним к дому и убираем все так, чтобы ни одного следа не осталось. А потом – обратно в город. И номер грязью заляпайте, идиоты.

– Ты что придумал-то? – осторожно поинтересовался Гарик.

– По дороге расскажу. Пес с ним, с Максом. Есть один человечек, который расшифрует все его каракули.

* * *

Из Ланкастера пришлось удирать, бросив все имущество на паршивом постоялом дворе, хозяин которого – заросший щетиной толстяк со свирепыми маленькими глазками – каждый раз недобро косился на меня при встрече. Уж не знаю, что ему во мне не нравилось, но, не желая разочаровывать этого славного человека, я оприходовал его женушку в том самом подвале, куда он спускался, чтобы достать постояльцам вина. Препаршивого, надо сказать. За одно вино он заслуживает, чтобы черти в аду нашпиговали его салом и прокрутили на вертеле пять тысяч раз.

Сперва это маленькое дельце выглядело весьма заманчиво: молодой лорд Сибли просил провести сеанс оживления его дядюшки, скончавшегося от апоплексического удара и преданного земле три дня назад. Да что там просил! – умолял, обещая в награду треть от клада, местонахождение которого мы и должны были выпытать у покойника. Сибли-старший славился на всю округу сварливым характером и не раз заявлял, что припрятал свое богатство в укромном месте. У меня было свое мнение насчет того, куда делись денежки старика, но я, понятное дело, не спешил ни с кем им делиться.

«Клад кладом, но вдруг покойный лорд после смерти стал еще неуступчивей и не пожелает раскрывать своих секретов?» – спросил я, изобразив озабоченность. На этот случай мы с молодым дураком обговорили мое вознаграждение в монетах, которыми могут расплатиться живые, а не мертвые. «Деньги вперед – таково мое правило!» – сказал я ему, надувая щеки и выпячивая живот. На тощих заморышей вроде Сибли это всегда производит впечат-

ление: будучи лишены полноценных телес, они с почтением относятся к тем, у кого имеется их избыток.

Получив увесистый мешочек, я припрятал его за пояс и расспросил юнца о подробностях всей затеи. Ничего сложного, как выяснилось. Кладбищенский сторож глух и полуслеп – он не станет помехой. Выкопать лорда, перевезти его в заброшенный сарай (повозка будет ждать у кладбищенской ограды) и оживить, используя заклинания и связи с духами-некромантами, – несложное дело, поверьте! Правда прежде мне не приходилось заниматься возвращением мертвецов к жизни, но нужно же с чего-то начинать... Я не сноб и полагаю, что лорд подходит для этого ничуть не хуже конюха.

Ночь была хороша: луна светила ровно, но не слишком ярко. Мы с моим помощником Жоржем с трудом вытащили тяжелый гроб, проклиная трусливого Сибли-младшего, – тот заявил, что будет ждать нас в сарае, ибо опасается ходить на кладбище по ночам, – и сняли крышку.

Лорд и при жизни не отличался изысканной внешностью, а удар и трое суток в гробу не добавили ему красоты. Мой помощник, по виду и рекомендациям – прожженный мерзавец и прохиндей, сам отправивший немало людей на тот свет, скрючился за надгробием, издавая приглушенные звуки. Я окликнул его злым шепотом, и он присоединился ко мне, стараясь не смотреть на лицо покойника. Вместе с Жоржем мы приподняли лорда, собираясь перехватить его поудобнее, чтобы переложить на плетеные носилки, и я уже считал, что треть дела сделана... Как вдруг послышались шаги, и из-за могильных плит показался сутулый кладбищенский сторож, освещающий себе дорогу фонарем.

Чтоб ему после смерти коптиться на одном вертеле с хозяином постоянного двора! Мой помощник, быстро оценив положение дел, тут же нырнул за ближайший куст, и я остался один с Сибли-старшим, навалившимся на меня всем телом.

Положение осложнялось тем, что сторож, вопреки представлениям о нем, оказался не благообразным подслеповатым старичком, а здоровенным мужланом, не уступавшим по виду моему головорезу, в эту минуту постыдно прятавшемся в жимолости. И оба его глаза были на месте – вполне зрячие!

Что ж, мне не оставалось ничего иного, как, прикрываясь тучным лордом, поднять его руку и помахать окаменевшему сторожу. Тот сделал шаг навстречу, и я уже подумал, что идея моя не будет иметь успеха, как этот бравый мужчина покачнулся и без единого вскрика свалился на землю.

Всю жизнь иметь дело с покойниками – и так испугаться обыкновенного трупа, проявившего учтивость... Я был разочарован! Но сокрушаться о малодушии сторожа времени не было, и, пинками выгнав Жоржа из кустов, я приказал ему снова приняться за дело. Когда мы водрузили лорда со всеми подобающими почестями на носилки, я подобрал фонарь, выпавший из рук сторожа, и повесил его на ветку растущего рядом тиса – так высоко, как только смог дотянуться. Несколько следов, оставленных в рыхлой почве, – и теперь любому интересующемуся стало бы ясно, что здесь произошло.

Лорду надоело лежать в гробу, он выбрался из могилы и отправился на прогулку. Следы недвусмысленно указывали направление – дом миссис Крэйби, вдовы, к которой Сибли и при жизни частенько заходил (именно у нее, я полагаю, осела немалая часть его состояния). Фонарь же лорд предусмотрительно повесил на дерево, ибо задерживаться надолго у вдовы не собирался, а возвращаться в свою могилку в темноте не желал, опасаясь ошибиться адресом.

Ну, не убедительно ли? По-моему, вполне. За сторожа я мог быть спокоен.

Вторая сложность возникла, когда мы собирались доставить покойника на место встречи с его племянником. Уж не знаю, что пришлось не по нраву каурой лошадке, запряженной в повозку, но только она громко возражала против того, чтобы везти куда бы то ни

было лорда Сибли. Кучер едва уговорил ее, да и то всю дорогу я ожидал, что проклятая кляча вот-вот что-нибудь выкинет. Однако же обошлось.

В сарае все было приготовлено согласно моим распоряжениям, и бледный, как недозревшее яблоко, племянничек ждал нас у дверей, разве что не шатаясь от волнения.

– Что так долго?! Я думал, все сорвалось!

– Вы имеете дело с Эдвардом Келли, – со значением ответил я. – У меня ничего не срывается, даже если возникают препятствия.

– П-п-препятствия?! Господи, какие препятствия?!

– Забудьте. Пора проводить обряд.

Мертвеца уложили на пол в окружении пентаграммы из свечей, каждую из которых я собственноручно зажег, бормоча себе под нос заклинания. Затем, когда в сарае остались лишь мы с племянником, я извлек из кармана магический кристалл и приступил к обряду.

Вторая пентаграмма, знаки Вельзевула на полу, запах благовоний, которые должны были заглушить дух, исходящий от трупа... Тени метались по стенам, я размахивал магическим кристаллом, внутри которого разгоралось алое пламя, и хриплым голосом выкрикивал заклинания, вызывающие демонов нижнего мира. Невидимых, конечно же.

Должен признаться, оживление покойников пришлось мне по вкусу. Когда, введя себя в транс, я склонился над неподвижным лордом и принялся трясти его за плечо, завывая: «Восстань и говори! Восстань и говори!», – его племянник попятился к стене. Судя по вытаращенным глазам этого замухрышки, транс мне удался. Дело оставалось лишь за лордом Сибли. И лорд не подвел.

Сперва он воздел одну толстую руку, затем вторую, и вдруг резко сел. Из угла, где жался к стене его племянник, раздался приглушенный горловой звук, но я не мог отвлекаться на мелочи.

– Лорд Сибли! – приказал я громовым голосом. – Будете ли вы отвечать на наши вопросы?

Мертвец кивнул.

– Сообщите, где вы зарыли клад, и мы больше не потревожим ни ваш дух, ни ваше тело!

– С одним условием... – тихо, но отчетливо проскрипел покойник. Звук из угла повторился.

– Каким же?

– Все деньги достанутся моему племяннику Ричарду. Не позволю ценностям нашего рода попасть в чужие руки!

– Э-э, нет! Так не пойдет! – Я отшатнулся и покачал головой.

– Келли! – раздался шепот за моей спиной. – Келли! Обернувшись, я увидел, что племянник, выпучив глаза, делает мне какие-то знаки.

– Отпускаю вашего дядюшку в мир мертвых, – грубо заявил я. – Не было такого уговора про клад!

– Келли, клянусь вам, – просипел Ричард, – вы получите все, что хотите! Не из клада! Из моих... Моих собственных!

– Нет уж, дудки! Вы меня обманете, и что я буду делать?

– Даю слово! – в голосе племянника звучало отчаяние. – Хотите, деньги будут у вас к рассвету?! Только пусть дядя скажет, где зарыл клад!

– К рассвету? – переспросил я, колеблясь.

– Да, да! Ну же, быстрее, спрашивайте его! Я вновь обернулся к лорду.

– Мы согласны! – торжественно объявил я ему. – Весь клад достанется вашему племяннику.

Покойник сделал мне знак наклониться, и я прижал ухо к его губам. Он затрясся, словно в ознобе, и некоторое время я стоял, не двигаясь. Затем кивнул, помог лорду лечь и скрестил ему руки на груди.

– Прочь, демоны! – крикнул я, поднимая над головой магический кристалл. – Здесь больше нет в вас нужды!

Свечи вспыхнули ярче – и разом погасли. На время сарай погрузился в полную темноту.

Когда я зажег фонарь, из темноты на меня выплыла бледная маска. Будь я так же впечатлителен, как кладбищенский сторож, – тут же и свалился бы в обморок: до того жутко она выглядела...

– Ч-черт, Ричард! Это вы!

Племянник опустил на колени возле меня, глядя вытаращенными глазами. Положи его сейчас рядом с телом его дядюшки – и не скажешь сразу, кто из них двоих покойник.

– Келли... Келли... Он сказал! – твердил этот молодчик, стуча зубами. – Он вам сказал!

– Сказал... Но сперва вспомните наш уговор!

– Да, да... Сейчас... Что-то нужно делать...

Все-таки он был не в себе. Мне пришлось встать, поднять его за плечи и вывести из смрада сарая на свежий воздух.

– Ваш дядя указал место, где зарыл клад, – сказал я. – Между прочим, скоро рассветет!

Тут он вздрогнул, поняв намек.

– Сперва нам нужно вернуть дядю на его... место! – выдавил он. – А затем вы получите обещанное. Скажите же, умоляю, где зарыт клад?!

– Только после того, как получу свое! Ну, где ваш слуга?

Хоть я изображал суровость, но внутри позволил себе расслабиться. Этот слизняк делает все, что я скажу, но нужно ковать горячее железо. Сейчас мальчишка потрясен, но стоит нам избавиться от его дяди, вернув труп в могилу, и алчность возьмет в нем верх над страхом.

– Решайтесь! – поторопил я его. – Тайник, указанный лордом, могут раскопать другие, и тогда оставаться вам без денег...

Моя угроза решила дело: юный Сибли дернулся, бросил взгляд в темноту сарая, где белело накрытое холстиной тело, и согласно кивнул.

– Отправляйтесь к себе, я буду ждать вас здесь, – распорядился я. – Привезете мне столько же, сколько уже заплатили. Это куда меньше, чем треть клада! – пояснил я, видя, что на лице мальчишки появилось сомнение. – Подумайте, сколько денег скопил ваш дядя за долгую жизнь! И все это достанется вам! Я еще мало прошу, потому что испытываю симпатию к вам, милый юноша...

«Милый юноша» слегка скривил губы, услышав последние слова, но подозвал слугу и велел привести верховую лошадь, дожидавшуюся его на привязи за сараем. Приглушенно простучали копыта по влажной земле, и мы остались втроем: я, Жорж и слуга, торопливо убравшийся к своей повозке.

Наследник отсутствовал недолго: прискакал обратно, прыгнул с лошади, бросил поводья слуге. На поясе у него болтался приятный и увесистый на вид мешочек – точь-в-точь такой же, какой я получил накануне. Ричард направился ко мне, и я мысленно предвкушал удачное завершение дельца, но тут случилось непредвиденное.

– Стойте! – раздался громкий крик, заставивший всех нас остолбенеть.

Я резко обернулся. Увиденное заставило меня выругаться: к нам бежал, спотыкаясь, кладбищенский сторож, а за ним следовала толпа человек в двенадцать, часть из которых была вооружена.

– Осквернитель! – визжал сторож, тыча в меня пальцем. – Осквернитель могил!

Молодой Сибли отпрыгнул от меня, словно кузнечик, и заветный мешочек остался у него в руках.

– Хватайте его! Держите! – продолжал надрываться мерзавец. – Стреляйте в него!

Я заметил взгляд, брошенный моим Жоржем, и понял, что дело плохо: этот прохиндей поможет схватить меня, чтобы выйти сухим из воды. Сам бы я поступил именно так. В следующий миг он сделал шаг ко мне, и выражение на его лице недвусмысленно свидетельствовало о том, что я оказался прав в своих предположениях.

Терять времени было нельзя. Подскочив к слуге, я вырвал у него из рук поводья, вскочил на лошадь и пришпорил ее. Лошадка ответила мне возмущенным ржанием, а все прочее – криками. Грохнул выстрел, и я пригнулся. Чего доброго, эти болваны и в самом деле пристрелят меня!

Оставалась лишь одна дорога – к лесу, и я пустился вскачь в сторону темной зубчатой громады. Крики за спиной постепенно стихли, но я то и дело оборачивался, чтобы убедиться в отсутствии преследования. С них стало бы отправиться за мной в повозке!

Черт возьми, а ведь как хорошо все было задумано! Получив свою долю от наследника несговорчивого лорда, я поведал бы ему, что деньги спрятаны за старой заброшенной мельницей, всего в двух милях от поместья старого Сибли.

Конечно же, я побывал на ней и позаботился о том, чтобы все выглядело достоверно: раскопанная на заднем дворе у ограды яма должна была показать мальчишке, что кто-то до него уже успел прибрать к рукам богатства лорда, как я и предупреждал. Но с меня-то какой спрос? Я лишь обещал узнать, где был закопан клад, а не брался отвечать за его сохранность.

В итоге наследник остается ни с чем, а я с вознаграждением – полученным, заметьте, совершенно заслуженно.

Если бы не сторож, поднявший на ноги половину Ланкастера! Да, худое вышло дело... Нынешние законы предписывают нещадно карать и тех, кто грабит покойников, и тех, кто творит над ними колдовские дела, а уж в чем-нибудь одном меня обязательно обвинили бы. И попробуй обели себя при таких-то свидетелях, как младший Сибли со слугой и проходимец Жорж... Нет, как ни кидай кости, выходило, что в Ланкастер мне пути нет, и чем дальше я окажусь от него в ближайшее время, тем лучше будет для моей шкуры.

Я направил лошадь напрямик через лес и к полудню выехал на широкий тракт, с одной стороны которого извилистой зеленой змеей тянулась живая изгородь, над ней вились пташки. Денег, что спрятаны в моем поясе, хватило бы ненадолго, а значит, нужно было сообразить, где раздобыть звонких монет, да побольше.

Кое-что, признаться, я придумал, пока ехал через лес... Но для того, чтобы мой замысел удался, мне потребовались бы вся наглость с удачливостью.

Глава 2

– Снегопад в мае становится доброй традицией, – проворчал Бабкин, продавливая ботинком лед, сковавший лужу на асфальте.

Лед хрустнул, потрескался и просел под его тяжестью, но вода в лунке не выступила.

– Видал? Все насквозь промерзло!

– Я сам насквозь промерз, – отозвался Макар, у которого зуб на зуб не попадал с той самой секунды, как они вылезли из машины. – Почему мы не припарковались у подъезда?

– Ты бы оставил свои барские замашки, – посоветовал Сергей. – Сюда на велосипеде-то въехать страшно, не то что на машине!

Он посмотрел на потрескавшийся асфальт, весь в колдобинах и ямах, перевел взгляд на высоченный тополь, зеленеющие ветки которого, как пухом, были покрыты снегом. Странное дело: деревья в этом старом дворе росли как вздумается, и никто не подрезал им ветки, не формировал верхушки и не красил стволы белой краской. Внутри палисадника стояли рядком пять можжевельников кустов, похожих на большие коконы. На каждый кокон нахлобучена снежная шапка.

Весь этот изветшалый район был застроен кирпичными пятиэтажками и обладал особым очарованием – очарованием несовременного, давно обжитого места. Люди, обитающие здесь, любовно обустраивали свои дворики: красили скамеечки у подъездов, сажали цветы под окнами и приносили игрушки на детские площадки. Одна такая площадка находилась прямо напротив подъезда, к которому шли Сергей с Илюшиным, и оба усмехнулись, поглядев на нее: с верхушки маленькой снежной горки, неумело утрамбованной детской лопаткой, на них заносчиво взирала ядовито-зеленая пластмассовая лягушка.

– Торжество лета над зимой, – прокомментировал эту картину Бабкин.

– Ожидания, которым не суждено сбыться, – возразил Макар. – Думаешь, зачем она там сидит? Комаров ждет. А комаров в ближайшее время не предвидится. Только большие и несъедобные снежные мухи.

– Пессимист ты, вот что я тебе скажу.

– Я реалист. Смотрю на мир без розовых очков. Кстати, об очках – наш клиент уже ждет.

Возле подъезда застыл высокий сухопарый мужчина лет пятидесяти со стоящими торчком очень светлыми, будто крашеными волосами, при первом взгляде показавшийся Сергею иностранцем. Наверное, как раз из-за сочетания упомянутых Илюшиным очков с шарфом. Очки были прямоугольные, в тонкой поблескивающей оправе, и вид имели неприлично дорогой и заграничный. А шарф – нежно-розовый, крупной вязки, с длинными кистями и сам длинный, судя по тому, что владелец обмотал его вокруг шеи три раза.

Сергей Бабкин впервые увидел мужчину, который не только согласился надеть розовый шарф, но и вышел в нем на улицу. До этого дело с клиентом имел Илюшин, который о шарфе умолчал.

– Здравствуйте! Куликов, Аркадий Ильич, – мужчина протянул Бабкину руку до того, как Макар успел его представить. Рукопожатие у него было крепким, покрасневшие глаза за стеклами очков глядели на сыщика испытующе.

– Сергей. Сергей Бабкин.

– Давайте поднимемся в квартиру.

Куликов пробежался пальцами по клавишам домофона, словно наиграл неслышную мелодию, и вслед за Макаром и Бабкиным вошел в подъезд.

На первом этаже под лестницей стояла коляска, а рядом, прислоненный к стене, ждал весны синий детский велосипед. Бабкин подумал, что давно не видел подъездов, где жильцы так спокойно оставляли бы коляски и велосипеды без присмотра.

– Поэтому Наташа никуда не хочет отсюда переезжать, – сказал Куликов, поймав взгляд Сергея и правильно истолковав его. – Говорит, здесь особенный район. В этом она права. Я не раз предлагал ей поменять квартиру, но она отказывалась.

Поднявшись на четвертый этаж, он достал ключи.

– Оперативники осмотрели квартиру? – спросил из-за его спины Макар.

– Да, утром.

– Результаты?

– Никаких. Вещи не тронуты, деньги не исчезли, даже документы на месте. Отпечатков пальцев нет.

Он обернулся к Бабкину с Илюшиным и сухо вато закончил:

– Вся надежда на вас.

Сперва Сергею послышалась ирония в его словах, но почти сразу он понял, что никакой иронии здесь нет, а есть страх и страдание, спрятавшиеся под маской сдержанности. Аркадий Ильич дважды провернул ключ в скважине, и дверь распахнулась, открывая вход в очень светлый коридор, в первую секунду показавшийся Бабкину заросшим травой.

Сделав шаг внутрь, он увидел, что никакой травы, конечно, в квартире Наташи Куликовой нет. На полу лежал пушистый ковер с торчащими вверх зелеными ворсинками разной высоты, похожий на покрывало из мха – не хватало только ягод брусники или клюквы. Белые стены внизу разрисованы ветвями и листьями.

– Проходите, пожалуйста, – попросил сзади Аркадий Ильич. – Комната справа.

В комнате почти не было мебели, и потому она казалась просторной. Свет падал в незашторенное окно, и лучи солнца тонули в травяном ковре – точно таком же, как и тот, что лежал в прихожей. Остановившись на пороге, Бабкин присвистнул, но причиной его удивления был не ковер и не отсутствие шкафов.

Очевидно, любимое сочетание цветов хозяйки – зеленый и белый. Все стены в комнате были выкрашены светлой краской, и одна из них представляла собой подобие картины. Бабкин подошел поближе и остановился, изумленно рассматривая рисунок.

На этой стене росли деревья. Пожалуй, фантастические, решил Сергей, потому что определить вид хотя бы одного из них оказалось ему не под силу. Длинные изогнутые листья, переплетающиеся ветки, травинки и стебли, обвивающие стволы... Много-много зеленого цвета: бутылочного, травяного, изумрудного оттенков. Единственным опознанным Бабкиным растением стал папоротник, выписанный с удивительной детализацией, вплоть до мелких ворсинок на листочках.

Над папоротниками летали синие бегемоты. Толстые, как чеширские коты, с такими же широкими улыбками во всю бегемотью пасть, они махали до смешного крошечными крылышками, сидели на ветках деревьев, свесив кривые короткие ножки, и парили среди зарослей. Самые маленькие бегемотики были небесно-голубого цвета.

– Лес Крылатых Бегемотов, – негромко сказал сзади Куликов. – Наташа шутит, что это автопортрет.

Бабкин хотел ответить и вдруг осознал, что за то время, пока они стоят в комнате, Илюшин не произнес ни слова. Это было на него не похоже. Решив, что друг так же впечатлился картиной на стене, как и он сам, Сергей обернулся.

Макар молча стоял у противоположной стены, к которой были припилены большие листы ватмана. Окинув их взглядом, Сергей вздохнул. Когда-то он смотрел фильм «Игры разума», в котором главный герой, талантливый ученый, страдал шизофренией. То, что Баб-

кин видел сейчас на стене, очень напоминало записи этого ученого, не раз показанные в фильме.

Ватман был исчерчен сверху донизу непонятными письменами, мелкими буквами и закорючками. Кое-где, на свободном, явно специально выделенном пространстве, письмена исчезали, уступая место формулам и расчетам.

Лист из манускрипта Войнича

Рядом с формулами неуклюже и не очень-то похоже нарисован одуванчик, и этот мотив повторялся, как посчитал Сергей, минимум шесть раз.

Но кроме невинного одуванчика были и куда более странные рисунки. На одном из верхних листов он разглядел женщин, нарисованных в профиль – все они сидели в подобии горохового стручка, и у каждой из головы торчала трубка. В другом месте было изображено что-то вроде змеи, пустившей корни.

Сергею стало окончательно ясно, что Илюшин не возьмется за это дело. Искать душевнобольную девушку по всей Москве – задача не из легких, а Макар всегда здраво оценивал свои возможности. Бабкин приготовился услышать мягкий по форме, но категорический по содержанию отказ, и мысленно пожалел отца девушки, которому и так пришлось нелегко.

Макар наконец отвел зачарованный взгляд от каракулей и бредовых посланий и перевел его на мужчину, стоявшего в дверях. Лицо у него было на удивление серьезным, даже ошарашенным.

– Ваша дочь занималась расшифровкой манускрипта Войнича? – как показалось Бабкину, с некоторым недоверием спросил он.

Тот кивнул:

– Да, много лет. Это ее своего рода хобби, еще со школы. Хотя иногда мне кажется, что она уделяет ему куда больше времени, чем своей работе.

– Она достигла какого-то результата?

– Не могу вам сказать. Не потому, что не хочу, а потому, что не знаю.

– Любопытно... – Макар прошел вдоль стены, внимательно разглядывая рисунки. – Если вы не против, давайте поговорим в этой комнате, хорошо?

У последнего изображения остановился и, не дожидаясь ответа, сделал Сергею знак: записывай.

– Итак, когда вы в последний раз видели дочь?

* * *

Аркадий повторял свой рассказ в третий или в четвертый раз – он сбился со счета. Сперва дежурный, который принял у него заявление, потом оперативник, предупредивший, что вскоре с ним свяжется следователь... Теперь он излагал то же самое частным детективам, нанятым им в первый же день после исчезновения Наташи. Точнее, вечер.

Его старый друг, посоветовавший обратиться к ним, человек немногословный и скупой на эмоции, сказал: «Они тебе крота из-под земли выкопают». И Аркадий как-то уцепился за этого крота, представив людей – нет, не людей, волшебников, – способных сделать так, чтобы Наташка вернулась живой и невредимой. Написав заявление, он, выйдя из отделения, сразу позвонил по телефону, продиктованному другом, и вскоре уже ехал на встречу.

Детективов оказалось всего двое. Макар Илюшин поначалу разочаровал Куликова – не сыщик, а какой-то мальчишка: худощавый, светловолосый, с отросшими, совершенно несерьезными вихрами, торчащими во все стороны. От него оставалось ощущение легкости и беззаботности. Выглядел Макар Илюшин лет на двадцать пять, не больше, а Аркадию все молодые люди такого возраста казались юнцами. Детьми, как и его Наташа. Но, увидев Илюшина на следующий день, Куликов поразился: перед ним стоял мужчина лет тридцати с небольшим, собранный и внимательный. Никакой расслабленности не было и в помине. Он расспрашивал о вещах, которые, как казалось Куликову, мало относятся к делу, и Аркадий добросовестно отвечал, отмечая про себя въедливость детектива.

Но что такое настоящая въедливость, он понял лишь тогда, когда к расспросам приступил второй сыщик.

Если первый напоминал гончего пса, готовящегося взять след, то второй – собаку одной из тех пород, представители которой вцепляются один раз, но намертво. Высокий, коротко стриженный, тяжеловесный, с глубоко посаженными темными глазами, он вызвал в памяти Аркадия усредненный образ «братков» из девяностых годов. Только этому не хватало золотой цепи толщиной с ужа, и одет он был демократично: джинсы да простая куртка, оттопыривавшаяся под мышкой.

«Туповат», – решил Куликов, посмотрев на него. Он укрепился в этой мысли, когда детектив начал задавать ему одни и те же вопросы, лишь немного меняя формулировки. Правда, спрашивал он по делу: о друзьях-знакомых Наташи, о ее личной жизни, работе... Но спустя некоторое время Аркадий обнаружил, что, отвечая в третий раз на вопрос, он вдруг вспомнил детали, которых не мог вспомнить до этого, и его мнение об умственных способностях сыщика изменилось. Нет, не так прост был этот громила, совсем не прост, и не зря он с таким тщанием вытаскивал из Аркадия подробности общения Тошки с ее коллегами. Присматриваясь к нему, Аркадий Ильич в который раз напомнил себе не делать скоропостижных выводов о людях.

К концу второго часа разговора Куликов устал. Он уже ловил себя на ощущении, что все происходящее кажется ему – нет, не сном, а напротив – жуткой явью, в которой он проснулся. И возврата обратно, в спокойный длинный сон, уже не будет.

Первый раз такое ощущение настигло его после смерти Кати. Аркадию казалось, что их недолгая счастливая жизнь ему приснилась, а потом он отчего-то проснулся в такой яви, где Катя погибла, а он толком и не знал ее. Следующие месяцы после ее похорон ему постоянно хотелось спать, он засыпал везде – в метро, на работе, в только что остановленной у дома собственной машине... В глубине его души жила иррациональная вера в то, что он сможет вернуться в тот сон, где она была жива.

Конечно, он выбрался из этого расстройств – а это было именно оно, не стоило кривить душой перед самим собой. Выбрався, вернулся к жизни, надеясь, что ему больше никогда не придется проходить через такое... И теперь изо всех сил старался остаться «в здравом уме и трезвой памяти» – эту юридическую формулу он повторял про себя: удивительным образом она держала его, словно зажимая в футляр, не давая растечься аморфной массой. «В здравом уме и трезвой памяти», – повторял он про себя, и мысли о снах и яви отступали. Заклинание, вот что это было такое. Его собственное маленькое заклинание вроде тех, что очень любила Наташка.

– Что с вами?

Он не сразу понял, уйдя в свои мысленные бормотания, что коротко стриженный сыщик обращается к нему, и вздрогнул от неожиданности, когда тот дотронулся до его плеча.

– Аркадий Ильич, все в порядке?

Куликов даже не заметил, как этот человек, имя и фамилию которого он не мог сейчас вспомнить, встал и подошел к нему. Только что он отвечал на его вопросы, потом задумался на пару секунд, а очнулся оттого, что к нему прикоснулись.

– Да-да, все в порядке! – спохватившись, заверил он детектива, наклонившегося над ним и пристально вглядывающегося в его лицо.

– Вы уверены, что хорошо себя чувствуете? Макар сейчас принесет воды.

Только теперь Аркадий увидел, что второго детектива в комнате нет. Ему стало не по себе.

– Я что, потерял сознание?

– Нет. Но вы замолчали на полуслове и побледнели. Раздались шаги, и возле сидящего на стуле Куликова опустился Илюшин, протянул стакан воды:

– Выпейте.

Не глядя на двоих мужчин, Аркадий выпил несколько глотков, отставил стакан в сторону, понимая, что выглядит в их глазах в лучшем случае смешно и жалко. Он представил себя со стороны: немолодой очкастый «ботаник», теряющий нить беседы... Неудивительно, если они решат, что он сумасшедший.

– Так бывает, – неожиданно мягко сказал вполголоса стриженный. – Вы очень устали и к тому же волнуетесь. Мы почти закончили. Вы сможете ответить еще на пару вопросов?

Куликов поднял на него взгляд. В глазах детектива светилось сочувствие, а вовсе не насмешка и не презрение. Бабкин, вот как его фамилия, вспомнил Аркадий. А зовут Сергеем. «Хорошее имя. *Добротное...*»

– Я отвечу, конечно, – собравшись с силами, сказал он. – Давайте продолжим.

– С кем Наташа разгадывала манускрипт? – спросил Макар Илюшин. – Я имею в виду, кто еще из ее друзей занимался этим?

– Почему вы думаете, что она обязательно делала это с кем-то?

– Вы сказали, что она увлеклась шифром в школе... Однако такого рода увлечения быстро становятся общими для всей компании, а ваша дочь общительна и у нее много друзей. Вполне возможно, кто-то из них, как и она, занимается манускриптом до сих пор.

– Вы правы, но лишь отчасти. Расшифровкой манускрипта занимался ее друг... то есть бывший друг. Даже не знаю, как сказать... В общем, когда-то они очень дружили. Со временем их отношения не то чтобы разладились, но лишились налета беззаветной детской преданности. Наташа с Максимом стали реже видаться и перевели друг друга в категорию обычных приятелей.

Бабкину показалось, что в голосе Куликова сквозит сожаление.

– Как фамилия Максима? – спросил Илюшин.

– Арефьев, Максим Арефьев. Думаю, он увлекался манускриптом Войнича лишь потому, что им увлекалась Наташа. Подробнее об этом вам сможет рассказать Алеша Баренцев, я вам про него говорил. Они дружили втроем. Послушайте... так, значит, вы беретесь за расследование? Макар Андреевич, вы сказали, что прежде, чем согласиться, вам нужно кое-что прояснить. Вы прояснили?

Бабкин с Илюшиным переглянулись.

– Вот какое дело, Аркадий Ильич, – ответил Сергей вместо Макара. – Исчезновением вашей дочери, скорее всего, будет заниматься прокуратура. Поймите, у них возможностей на порядок больше, чем у нас. Даже не на порядок, а на два. Поэтому, откровенно говоря, я не вижу большого смысла в нашем участии. Это не тот случай, когда мы можем помочь.

– Но вы же специализируетесь на розыске пропавших людей! Я хочу, чтобы расследование вели вы. То есть, и вы тоже. Вы ведь можете заниматься этим одновременно с прокуратурой? Это не противоречит закону, правда?

Сергей был вынужден признать, что не противоречит.

– В таком случае, я прошу вас не отказываться! Бабкин развел руками.

– Хорошо, – внезапно сказал Макар, отводя взгляд от рисунков на стене. – Мы начинаем работать. На сегодня, Аркадий Ильич, у нас все, а если что-то понадобится, то я вам позвоню, хорошо?

Куликов кивнул и поднялся, теребя конец шарфа.

– Да, и вот еще что, – добавил Илюшин, – мне нужны ключи от этой квартиры.

Отец Наташи не выразил ни удивления, ни сомнений. Молча достал из кармана связку и протянул ее Макару. Пальцы правой руки безотчетно легли на конец шарфа и принялись поглаживать его, словно успокаивая живое существо.

– Необычный шарфик у вас, – заметил Сергей, в последний момент заменив слово «экстравагантный» более мягким.

– Это Наташа вязала. Она любит простые яркие цвета. Кроме шарфа, она подарила мне зеленые носки и берет небесного оттенка, – Аркадий Ильич в первый раз улыбнулся. – И я еще легко отделался! Максиму Арефьеву на день рождения достался оранжевый свитер.

– Вот им-то мы и займемся в ближайшее время, – задумчиво сказал Макар. – Не оранжевым свитером, а Максимом Арефьевым.

* * *

– Что такое манускрипт Войнич? – первым делом спросил Бабкин, когда они вошли в квартиру Макара, одновременно служившую им офисом.

Расспросить Илюшина по дороге не получилось: как только они сели в машину, тот закрыл глаза и откинулся на спинку сиденья. Это означало, что ему нужно что-то обдумать, и отвечать на вопросы он не будет.

– Манускрипт Войнич – это книга, найденная Уилфридом Войничем, – объяснил Илюшин.

Бабкин хотел было сыронизировать над очевидностью пояснения, но спохватился:

– Подожди-ка... «Найденная»? То есть, он не сам ее написал?

– Книги писала его жена, Лилиан Войнич, – Макар скрылся в направлении кухни, и вскоре оттуда донеслись звуки, свидетельствовавшие о том, что Илюшин изучает содержимое холодильника. – Пиццу будешь? – Он высунулся в прихожую, что-то жуя, и вопросительно посмотрел на Сергея.

– Там еще вчерашнее мясо осталось, – машинально ответил Бабкин. – Да подожди ты со жратвой! Войнич, Войнич... Что-то знакомое.

– Даже малообразованным людям, – язвительно заметил Илюшин, – должна быть известна ее книга «Овод». Была весьма популярна в Советском Союзе.

– Точно! – вспомнил Сергей. – Что-то там такое революционное звучало... А при чем здесь манускрипт?

– Ни при чем.

Макар снова исчез на кухне, и Бабкин последовал за ним. На кухне он решительно отобрал коробку с замороженной пиццей у вознамерившегося разогреть ее Илюшина и спрятав в дальний угол морозилки. Борьба за здоровое питание, инициированная Сергеем, не переносившим даже запах фаст-фуда, шла у них с переменным успехом. Последнее время верх одерживал Макар, и Бабкин решил укрепить пошатнувшиеся позиции. С этой целью накануне им была закуплена свинина, приготовлена в казане и теперь ждала обеда, чтобы снова быть представленной к столу.

– Компромисс, – предложил Макар. – Ты возвращаешь пиццу, я рассказываю тебе про манускрипт и тем самым избавляю от необходимости рыскать по интернету в поисках достоверной информации.

– Не компромисс, а шантаж!

– Ладно, – сдался Илюшин. – Так и быть, пойду тебе навстречу, дабы не остался ты погрязшим в неведении.

Бабкин ухмыльнулся и полез в холодильник за свининой.

– Как я уже сказал, эту рукопись нашел Уилфрид Войнич, книготорговец, в тысяча девятьсот двенадцатом году, – рассказывал за обедом Макар. – Дело было в Италии. По словам Войнич, он выкупил книгу в каком-то монастыре, но проверить это нельзя, поскольку он дал обещание не разглашать имени продавца. Остается верить Войничу на слово. Его, само собой, обвиняли в мистификации, но похоже, что книготорговец не врал – в противном

случае эксперты датировали бы документ нашим временем. А они датировали его совсем другим.

– Каким же?

– Шестнадцатым веком. К тому же к рукописи прилагается письмо, которое ректор Пражского университета написал своему другу, и в нем содержится просьба расшифровать манускрипт. Доказать поддельность письма не удалось, а это говорит само за себя. Книга написана на пергаменте, в ней двести с чем-то страниц, но часть из них была утеряна, вот только непонятно, когда, – после того как нашли рукопись, или до. Оставшиеся двести страниц, как ты уже понял, зашифрованы, или же текст написан на неизвестном нам языке. Кроме текста, манускрипт содержит кое-что еще.

– Иллюстрации! – сообразил Сергей, вспомнив странные рисунки на стене в квартире Наташи Куликовой.

– Именно. Они есть почти на каждой странице и представляют собой не меньшую загадку, чем сам текст. С одной стороны, классификация большинства изображенных объектов не вызывает затруднений: это растения, обнаженные женщины, светила... А с другой стороны, растений, которые нарисованы в манускрипте, не существует. И женщин, находящихся в сосудах, соединенных трубками, тоже не часто встретишь. А еще есть рисунки, которые исследователи и вовсе не смогли объяснить.

– Например?

– Круги разного диаметра с секторами, исписанными тем же шифром. Предположительно, карты космоса, но подтвердить или опровергнуть эту гипотезу не удалось. Должен тебе сказать, с манускриптом Войнич вообще мало что удалось сделать. Войнич отдал его криптоаналитикам, и тут началось самое интересное.

– Что, не расшифровали?

– Расшифровали, – усмехнулся Илюшин. – Много раз. Но «ключи» годятся только для небольших кусков текста, а всю книгу с их помощью прочесть невозможно. И кроме того, результат напоминает набор слов. Сперва за дело взялись британские криптологи, а вслед за ними и американские, и тоже безуспешно. Правда, они пришли к кое-каким выводам – например, что текст может быть написан на двух языках, но это не сыграло никакой роли в расшифровке манускрипта.

– Интересно, на *каких* двух языках? – спросил увлеченный его рассказом Бабкин.

– Честно говоря, не помню. К тому времени о манускрипте уже много говорили, поэтому нашлось множество энтузиастов, пытающихся разгадать его. У меня отложилось в памяти, что какой-то чудаковатый утверждал, будто книга написана на украинском.

– Что вы говорите? – удивился Сергей. – Може, Украина – ще и батьківщина слонив?

– Насчет слонов нет достоверных данных. А версия, по-моему, очень неплоха. Автор ее считал, что в манускрипте не использованы гласные буквы. А если взять согласные, перемешать, взболтать, распределить и прочесть заново, то из этого получится описание детства Тараса Бульбы.

– Так-таки Тараса Бульбы? – усомнился Бабкин.

– Может быть, я и путаю... Может быть, будет первая глава «Вечеров на хуторе близ Диканьки».

– Ладно, а если серьезно?

– Если серьезно, то, к сожалению, другие исследователи бездушно отобрали пальму первенства у украинского народа и отдали ее китайцам. Говорят, что язык манускрипта по составу слов похож на китайский.

– Подожди-ка... – нахмурился Бабкин. – Какому составу слов?

– Даже в придуманном тексте можно разбить слова на группы и выделить их структуру. Долго объяснять, да и неважно: в конце концов – все равно ведь эта гипотеза не помогла расшифровать манускрипт. Но в настоящее время это одна из самых разрабатываемых версий.

– Кем разрабатываемых?

– Теми энтузиастами, которые по-прежнему ломают головы над книгой Войнича. Знаешь, сколько людей пытается разгадать эту загадку? Если бы я хоть что-нибудь понимал в криптологии, то присоединился бы к ним, честное слово!

Сергей с усмешкой посмотрел на оживившегося Илюшина, в глазах которого загорелся исследовательский огонек:

– Давай-давай! Раскроешь тайну, получишь огромную награду и прославишься.

– Второе – без сомнения, а вот первое – вряд ли. Видишь ли, мой корыстолюбивый друг, за разгадку манускрипта не обещано никакой награды. Все, кто занимается книгой, делают это на чистом азарте, не подкрепленном материальным поощрением.

Бабкин хмыкнул, выражая сомнение в мотивации исследователей рукописи Войнича, и пожал плечами:

– Знаешь, по-моему, все очевидно. И не нужно быть криптологом, чтобы найти объяснение. Манускрипт написан каким-нибудь сумасшедшим, который зарисовывал, как умел, свои фантазии и записывал всякую белиберду! А ученые сидят, расшифровывают...

– Если бы все было так просто! Дело в том, что шифр подчиняется закону Зипфа.

– Что это значит?

– Был такой ученый, – терпеливо начал Макар, – Джордж Зипф, который вывел закон, верный для всех естественных языков. Упрощенно говоря, его формула описывает закономерность распределения слов в большом тексте – или в языке, который вполне может рассматриваться как огромный текст. Если ты напишешь абракадабру и проверишь ее формулой Зипфа, то у тебя ничего не получится. А с манускриптом Войнича получилось.

– Подожди-ка, ты хочешь сказать, что...

– Что это какой-то язык. Возможно, выдуманный, или намешанный из десятков существующих, но язык, а не тарабарщина, как ты предполагаешь.

Сергей задумался.

– А строки написаны слева направо или справа налево? – спросил он.

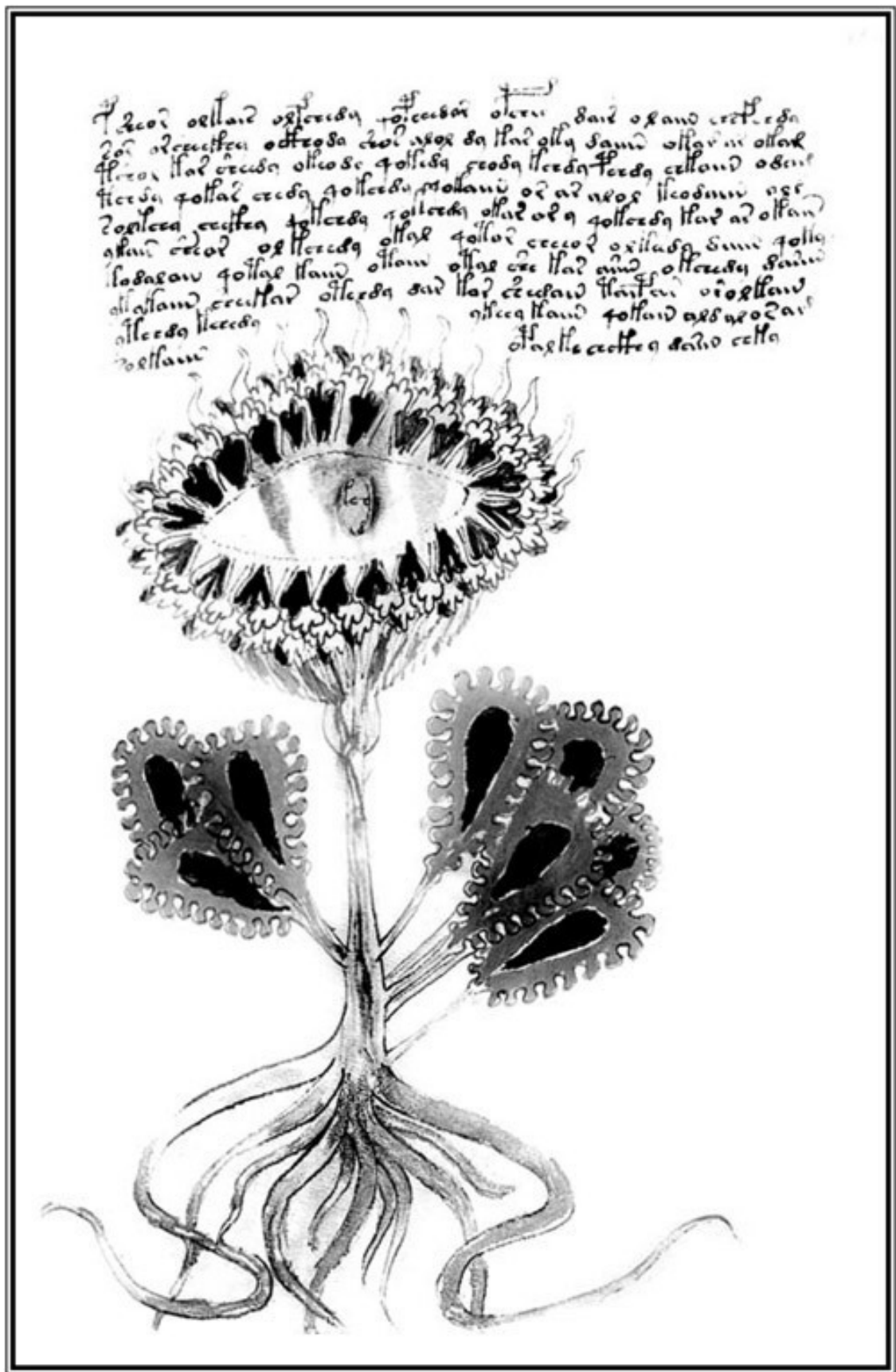
– Хороший вопрос. Скорее всего, слева направо.

«Скорее всего»! Даже это не смогли точно определить?

Нет. Не смогли определить многое, например, правильно ли собраны страницы книги – возможно, что они перепутаны. Гипотез – воз и маленькая тележка, и среди них есть весьма правдоподобные, вот только одна беда: ни одной из них нет подтверждения.

– Какие гипотезы, например?

– Одни считают, что некий путешественник-итальянец, владеющий редким китайским диалектом, записывал в зашифрованном виде свои впечатления от поездок. Со временем диалект исчез, и в этом причина невозможности расшифровать текст. Сторонники другой гипотезы утверждают, что путешественник ни при чем, а текст написан травниками-алхимиками и зашифрован, чтобы посторонние не могли проникнуть в их тайны. То есть мы имеем дело с фармацевтическим справочником. Это предположение объясняет многочисленные рисунки растений, но совершенно не объясняет, почему большинство из них неизвестны науке.

Лист из манускрипта Войнича

– Ну... мало ли, что эти травники в своем монастыре вырастили! – глубокомысленно заметил Бабкин. – Вдруг среди них жил средневековый итальянский Мичурин!

– Ваша гипотеза, коллега, безусловно, имеет право на существование, – назидательным тоном сказал Илюшин, поправляя воображаемые очки. – Однако, при всем моем уважении к способностям средневековых итальянских монахов, я очень сомневаюсь в том, что они сумели вырастить клевер с корешком в виде перца и подсолнухи с листьями от росянки.

– Ах, даже так... Слушай, откуда ты все это знаешь?

– Копии страниц давно выложены в сеть, есть большое сообщество, участники которого переписываются друг с другом и делятся догадками. Если ты наберешь в интернете «манускрипт Войнича», то сам увидишь рисунки, и, кстати, в неплохом разрешении. Скорее всего, текст на каждой странице является объяснением рисунка.

– Получается, что рисунки необъяснимы без текста, а текст зашифрован, – подытожил Бабкин, вставая. – Вернемся к нашему делу. Ты считаешь, что исчезновение девчонки каким-то образом связано с ее хобби?

– Понятия не имею, – признался Макар. – Если судить объективно, то вряд ли.

– Сколько я тебя знаю, ты никогда не был сторонником объективных суждений, – проворчал Сергей. – Ладно, работаем.

Он создал на ноутбуке новую папку, быстро забил в документ скудные данные.

Наталья Аркадьевна Куликова, двадцать три года, дизайнер. Не замужем, детей нет. Пятнадцатого мая разговаривала с отцом по телефону из своей квартиры. Аркадий Куликов утверждал, что с дочерью они созванивались каждый день, иногда по несколько раз. На середине разговора Наташа сказала: «Ой, пап, кто-то пришел. Я тебе перезвоню!» – и повесила трубку. Было двенадцать часов с минутами.

Она не перезвонила.

Аркадий забеспокоился вечером, когда, набрав ее номер, не услышал ответа. Наташа не брала трубку. Испугавшись, Куликов приехал к ней и обнаружил пустую квартиру. Телефон лежал на столе, дверь закрыта на ключ. Аркадий мог бы найти двадцать объяснений тому, почему его дочь была вынуждена срочно уйти из дома, но он не находил ни одного объяснения тому, что она не предупредила его об этом. Той же ночью он приехал к Макару Илюшину, обратиться к которому ему посоветовал друг.

– Итак, что мы знаем о Наталье Куликовой?

– Как минимум, что у нее очень близкие отношения с отцом.

– Неудивительно, учитывая, что он воспитывал ее с детских лет.

Илюшин вывел на экран фотографию пропавшей. Бабкин посмотрел на нее и удивленно вскинул брови, вспомнив, чем увлекается эта девушка.

– Что-то у меня не стыкуется... – пробурчал он себе под нос, но Макар его не услышал – он листал записи, сделанные Сергеем во время разговора с Куликовым.

– Так, что здесь?... Ага... Подруг нет, общается с друзьями детства. Я начинаю с них. У тебя все как обычно.

«Все как обычно» означало, что Бабкину предстоит опросить всех соседей по дому, чтобы выяснить, не видели ли они кого-нибудь накануне около полудня и не встречались ли им незнакомые люди в их подъезде. Сергей понимал, что придется обойти и соседние дома – их обитатели тоже могли что-то заметить. Бабкин надеялся на то, что кто-нибудь обратил внимание на незнакомую машину.

– Еще морги и больницы?

– Этим ее отец сам занимается. И вот еще что, – добавил Илюшин, подумав, – сфотографируй в квартире Куликовой ту стену, на которой копии страниц манускрипта Войнича.

Так, чтобы каждый лист был хорошо виден. И противоположную, с рисунками, тоже – на всякий случай.

– Бестолковым делом мы с тобой занялись на этот раз, – проворчал Сергей, доставая с полки фотоаппарат.

– Почему же?

– Потому что прокуратура раскроет это дело по горячим следам за сутки. Если уже не раскрыла, пока мы с тобой разговоры разговариваем. Достаточно посмотреть записи с видеокамер на улице и в подъезде, чтобы увидеть, с кем выходила Куликова.

– Может быть, может быть... – уклончиво ответил Макар. – А может быть, и нет.

Дозвониться по телефонному номеру Максима Арефьева, оставленному Куликовым, не удалось. Зато Алексей Баренцев взял трубку сразу же, будто только и ждал звонка Макара. Впрочем, примерно так оно и оказалось.

– Я к вам подъеду, – быстро сказал Баренцев, едва только Илюшин представился. – Мне про вас дядя Аркадий рассказал. И о том, что Тошка пропала. Говорите адрес.

– Быстрый парнишка, – пробормотал Илюшин, положив трубку.

– Кто? – спросил из прихожей Бабкин, влезая в утепленную куртку на подкладке.

– Тот самый друг детства. Один из двоих. Будет здесь через полчаса.

* * *

К тому времени, когда я добрался до нужного места, лошади у меня уже не было. Пришлось продать ее одному пройдохе, который, видя бедственное состояние моего облачения и понимая, что деваться мне некуда, назвал сумму в три раза меньше той, что я просил за кобылку юного Сибли. Однако выбирать не приходилось, и пройдоха остался с кобылкой, а я – с деньгами, которые позволили бы мне довести предприятие до конца.

Да-да, именно так – предприятие! Ибо пока я скакал что есть духу прочь от Ланкастера, мой замысел созрел окончательно. Неудачу с лордом Сибли я решил рассматривать как ступень к новой жизни, и тогда все произошедшее предстало передо мной в ином свете. Умный человек всегда извлечет пользу из своих неудач, и двойную пользу – из неудач других! Второе мне особенно хорошо удастся, ха-ха!

Бредя по дороге вдоль пастбищ, на которых паслись отары, я вспоминал для поднятия духа те удачные проделки, которые не только принесли мне выгоду, но и оставили после себя приятные чувства. Как-то раз, например, одна вдова из местечка Треширтон сдала мне в аренду участок земли за своим домом, который она уже не могла возделывать, а нанять кого-то было ей не по карману. Документ подписали при свидетелях, честь по чести, и я рассчитался со вдовой сразу же, заплатив ей всю полагавшуюся сумму, чем заслужил хвалебный отзыв от местного священника, желторотого мальчишки, – он-то опасался, что я задумал какой-то подвох и оставляю старую женщину без денег. Но разве я мог! Ради стоимости жалкого надела, на котором и хороший дом-то толком не разместишь, влезать в такую сделку?! Нет, юный дуралей недооценил Эдварда Келли. Не для того я изучал право в Лондоне, чтобы ввязываться в мелочные делишки.

Вдова своей рукой вывела на бумаге разрешение использовать землю по усмотрению арендатора. Юридическая формула, которую я ей подсказал, давала мне право сделать с участком все, что угодно, включая выкорчевывание деревьев, снос строений и постройку новых. Строение там и впрямь было – древний покосившийся свинарник, в который десять лет как не ступало ни одно свиное копыто. Вдова сказала, что ничуть не жалеет о нем. На том мы и распрощались – более чем любезно. Священник, покраснев до ушей, даже счел нужным извиниться передо мной за беспочвенные подозрения, которые он питал. Конечно, я простил его, улыбаясь при этом про себя, как гиена.

С документом пришлось немного повозиться, прежде чем он приобрел тот вид, который мне требовался. Зато когда я отложил в сторону перо, передо мной лежал договор, по которому все жители местечка Треширтон передавали мне в пользование свои земли на двадцатилетний срок – конечно, с разрешением делать на ней то, что пожелает арендатор. Потребовалось вписать не так уж много – двадцать четыре имени, включая имя священника. С этим договором я и прискакал к одному из соседских лендлордов, который, как мне было достоверно известно, имел виды на Треширтон. Остальные-то земли в округе были давно поделены, а мистеру Хэммишу не хватало земель для выпаса овец. Овцы нынче прибыльны, знаете ли...

Появившись перед мистером Хэммишем, я показал ему договор и предложил взять у меня земли в субаренду. Сперва он не хотел верить, что треширтонцы согласились дать земли мне в пользование, но я убедил его. Главное – вызвать доверие. Худые люди не вызывают доверия: у большинства из них голодный взгляд, и говорят они слишком быстро, словно торопятся надуть вас. То ли дело человек полный! Такие почти всегда располагают к себе. Особенно если у них есть бумага, которая может принести выгоду обеим сторонам.

Хэммиш чувствовал свою выгоду, а потому я уехал из его поместья куда богаче, чем прибыл. Что он делал дальше со своим правом аренды, меня не касалось, но пару лет спустя случайно довелось узнать, побывав неподалеку от тех мест, чем закончилось дело.

Лендлорд предъявил договор жителям деревушки и предложил им убираться из своих домов. Те объявили бумагу поддельной и отправились к судье, однако пока суд да дело, лендлорд снес все домишки, включая домик вдовы, пользуясь самым верным правом на все времена – правом сильного.

Английские суды так же неторопливы, как гробовщики, и много воды утекло с тех пор, как треширтонцы прибежали искать справедливости. За это время Хэммиш окончательно прибрал земли к рукам, и там, где росла жимолость да щебетали птички, стали пастись дорсетские овцы. Может быть, в конце концов суд и решил что-нибудь в пользу маленьких человечков, однако к тому времени, как я покинул те края, меня это уже не интересовало.

Еще одно чудное дельце, которое неизменно вызывало на моем лице улыбку, случилось немногим раньше. У нас с компаньоном в руках оказались закладные на землю, где обитали потомки одного обедневшего дворянского рода. Отец семейства клялся, что найдет средства для выкупа, и просил отсрочку в несколько месяцев. Кажется, какой-то жид мог ссудить его деньжонками. Не стану вдаваться в подробности, скажу лишь, что не в моих интересах было ждать: если есть возможность получить выгоду сразу, значит, нужно брать свое.

Девчонке, его дочери, было лет четырнадцать, не больше. Тощая, глазастая и прямая как палка – не в моем вкусе. Но я сразу заметил ее, потому что в глазах у этого бесенка горел такой огонь, что сложно было не заметить! Смешно сказать: во время моего разговора с ее папашей она метала на меня такие взгляды, словно надеялась испепелить на месте. Возможно, я был недостаточно почтителен с главой их семейства, но у меня имелись на то свои резоны. Когда я сказал старику, что земли будут проданы, он сник, опустил голову и не увидел, какое выражение лица появилось у его дочери.

Не говорите мне, что я принудил ее! Вовсе нет! Я лишь дал девчужке повод, который без моей подсказки она вряд ли нашла бы сама. Женщины любят меня, маленькие потаскушки, и я, признаться, отвечаю им взаимностью. Большинство из них принимало мои ухаживания весьма благосклонно, а те, что пытались заартачиться, мигом становились покорными овечками, стояло потрясти перед ними кошельком.

А перед этой девчонкой и трести ничем не понадобилось. Она пришла ко мне в комнату поздно ночью, запыхавшаяся, дрожащая, и первое, что сказала: «Не говорите ничего отцу, это его убьет!» Я заверил милашку, что буду нем, как рыба, и мы провели отличную ночь! Все-таки неопытность юных девиц бывает прельстительнее самой пылкой страсти опытной

женщины. Эти худощавые, выступающие крылышками лопатки, дрожащие губки, стыдливость, уступающая силе... Был миг, когда я едва не пожалел ее, увидев, как она крепится, чтобы не зарыдать, но потом здравый смысл взял верх над сантиментами. Годом раньше, годом позже – малышке все равно пришлось бы распрощаться с невинностью, так что можно считать, ей повезло отдать свою девственность такому мужчине, как я. Я не был с ней груб, а уж опытности мне не занимать.

Когда она уходила, то заставила меня пообещать прийти на следующий же день к ее папаше и сказать, что согласен дать ему два месяца отсрочки. Что ж, первую часть обещания я выполнил: явился к ним в изрядно обветшавшее поместье. Вот только вместо отсрочки, о которой так хотелось услышать девчонке, я сообщил старику, что его ожидает скорое выселение.

Сперва малышка не поняла, как ее одурачили, но когда наконец сообразила, то затряслась, будто в припадке, и закричала, что я мерзавец. О, меня называли мерзавцем бесчисленное количество раз! Признаться, каждый из них доставлял мне удовольствие особого рода, ибо в таких оскорблениях раскрывается чья-то бессильная ярость, а чужое бессилие означает ваше превосходство.

Так что я нежно улыбнулся ей, надеясь, что она прочтет в моей улыбке напоминание о наших утехх. Тогда она, словно ополоумев, бросилась на меня, и если бы ее не удержали родные, то, ей-богу, вцепилась бы мне в волосы. Говорю же, страсти ей было не занимать!

Когда моя повозка отъехала от крыльца, девчонка выскочила из дома – видно, ухитрилась вырваться – и бросилась за нами вслед, крича: «Ненавижу! Ненавижу!» Смешно, право слово, когда тебя ненавидит столь жалкое существо! Я столько раз становился объектом ненависти, и каждый раз ощущал упоительное чувство – нечто сродни опьянению. Но на этот раз противник оказался слишком ничтожен. Возница слегка огрел ее кнутом, и она, не пискнув, свалилась в придорожную канаву. Я же покинул их земли, улыбаясь при мысли о своей маленькой шалости. Конечно, я не собирался давать отсрочку старому хозяину имения в обмен на худосочные прелести его дочери, хотя и приложил усилия к тому, чтобы глазастая крошка поняла меня именно так. Но очень уж мне захотелось распробовать, какова на вкус эта штучка, а все прочие пути были бы слишком замысловатыми.

В таких отрадных воспоминаниях я черпал вдохновение, пока длился мой путь. И, что еще более важно, – твердую убежденность в том, что моим замыслам суждено осуществиться. Когда взору моему открылся Лондон, я был готов войти в него победителем.

Лондон! Шпиль собора святого Павла виден издалека, высоко возвышаясь над крышами. Грязный, огромный, провонявший рыбой Лондон, протягивающий в разные стороны кривые лапы улиц, словно расплзающееся на брюхе чудовище, стремящееся все загрести под себя. Река не остановила его – Лондон перебрался и через реку. Я постоял немного, набираясь сил перед последним отрезком пути, и направил свои стопы к имению Мортлейк, что на юго-западе города.

Когда я остановился перед домом, весь в пыли и грязи, напоминающий своим обликом более бродягу, чем мирного странника, взгляд мой был спокоен и умиротворен. Слуга, открывший дверь, уставился на меня с выражением возмущения на сонном лице, но голос мой прозвучал не просительно, а властно:

– Я прибыл, чтобы увидеть Джона Ди.

* * *

Зала, в которую меня провели, была обставлена с аскетичностью, более вызывающей, чем роскошь. Она всем своим видом заявляла о том, что хозяин ее желает казаться человеком воздержанным и скромным. Однако самый воздержанный человек не откажется по

доброй воле сидеть на мягком кресле, предпочтя ему грубую скамью. Лишь скамья да стол составляли всю обстановку комнаты, и будь она не столь просторна, вполне сошла бы за монастырскую келью.

Я ждал долго... Пока наконец в залу не вошел седой белобородый человек в богато расшитом бордовом камзоле. Он остановился возле окна, рассматривая меня и хмуря густые брови.

Я не видал великого алхимика раньше, но много слышал о нем, и мое представление совпало с его действительным обликом. Джону Ди пошел шестой десяток, хотя, как я позже узнал, он тщательно скрывал свой возраст. Но его седина, глубокие складки возле носа и губ, а более всего – выражение глаз не дали бы обмануться внимательному человеку. Белки глаз его были воспалены, но я полагал, что причина не в болезни, тем более что на щеках сэра Джона лежал живой румянец. Прямой как палка, с длинной, ухоженной бородой, которую он поглаживал, разглядывая меня, Джон Ди вовсе не показался мне столь проницательным, насколько его описывала молва.

Однако недооценивать его нельзя! Я помнил, сколь многое поставлено на карту. Моя дальнейшая судьба зависела от этого человека.

Шагнув сэру Ди навстречу, я учтиво склонился перед ним:

– Меня зовут Эдвард Тэлбот, ваша милость. Я прибыл к вам, чтобы...

И тут лицо мое изменилось. Я перевел взгляд за плечо хозяина, приоткрыл рот и замер, словно пораженный увиденным.

Он обернулся, но, не обнаружив ничего, оборотился ко мне и резко спросил:

– Что с вами?

Медленно-медленно я откинул голову назад, словно следя за движением кого-то невидимого, кто поднимался все выше и выше, и благоговение застыло на моем лице.

– Вот оно... Опять... Они снова являются мне, они говорят со мной, призывая быть проводником их воли...

Чтобы разобрать мой шепот, Джону Ди пришлось подойти ближе.

– Я вижу их... – шептал я, выкатив глаза и молитвенно сложив руки. – Вижу! Одежды их белоснежны, и две золотых овцы идут за каждым. Они хотят говорить с вами, сэр Джон!

– Что?!

– Руно золотое, оно сверкает ярче солнца, и обласкан Господом Богом нашим будет тот, кто выдержит его свет! – Я бормотал все быстрее, будто ополоумев и не замечая, что слюна летит у меня изо рта. – Да превратится оно в золото и воссияет в руках наших, вот что говорят они! Они призывают вас, но не слышите вы, ибо черный ангел Уриэль стоит за левым плечом!

Алхимик вздрогнул и бросил короткий взгляд назад. Этот взгляд сказал мне все, что я хотел услышать: выбранный путь был верен. Я вскинул руки вверх, и голос мой возвысился, как у проповедника:

– Вижу, вижу вас! Слышу, но сам не в силах понять, что хотите сказать мне! Вот... вот сейчас... неужели снизоидете до меня?!

Я весь напрягся, подался вперед, и глаза мои выпучились так, что я в самом деле ощутил боль. Меня затрясло, и руки мои задрожали, а затем я закружился волчком на месте. Когда же я остановился, то на губах моих выступила пена, и я отчаянно возопил:

– Нет, нет, не могу!

И упал навзничь.

Закрыв глаза, я лежал, тяжело дыша, на каменном полу и ждал. Рядом раздалось шуршание, и мою голову приподняли и потрясли – должен отметить, не слишком церемонно, – а затем еще и оттянули пальцем веко, так что мне волей-неволей пришлось приоткрыть глаза.

Джон Ди, алхимик ее величества, математик, ученый, астролог, географ, а заодно врачеватель, сидел возле меня с таким выражением на лице, что я расхохотался бы, не будь момент столь неподходящ для смеха. Рот полуоткрыт, суровость испарилась, и выглядит он не лучше ребенка, которому на ярмарочной площади бродячий фокусник первый раз в его жизни показал фокус с веревкой и тремя яблоками.

– Вы слышите меня? – с тревогой позвал он. – Послушайте, м-м-м...

– Эдвард... – слабым шепотом напомнил я.

– Послушайте, Эдвард! Вы сможете сами встать?

Я кивнул и поднялся, опираясь на его руку. На моем лбу выступила настоящая испарина. Едва доковыляв до скамьи, я рухнул на нее и тяжело вздохнул, как человек, проделавший долгий путь.

Сэр Джон присел рядом, внимательно рассматривая меня. Что ж, небольшая передышка окончена, пора снова брать дело в свои руки.

– Сначала они явились мне под Рождество, – сказал я, отрешенно глядя перед собой. – Но тогда я совсем не слышал их голосов и не понял, что они хотят. Но потом...

Я рассказал, что ангелы стали являться мне все чаще и чаще. Я чувствовал, что они что-то требуют от меня, но не мог понять, что именно, пока наконец не явилось мне во сне начертанное золотым по голубому имя, и было это имя великого придворного алхимика, слава которого давно достигла пределов Англии – сэра Джона Ди.

– Тогда я собрался и отправился к вам, – закончил я. – По дороге пал я жертвой разбойников, которые забрали мою лошадь и обобрали меня самого до нитки, однако пощадили вашего покорного слугу. И в этом тоже вижу я вмешательство высших сил, желавших сохранить мою ничтожную жизнь для того, чтобы я был полезен вам.

При этих словах Джон Ди помрачнел, и выражение глаз его стало настороженным. Я обругал себя за незатейливую выдумку. Не стоило упоминать о разбойниках, слишком уж много проходимцев пользуется этой историей, дабы разжалобить слушателей и выманить у них монету-другую. Успех моего представления был несомненным, однако я мог легко испортить впечатление своими неосторожными высказываниями.

– Все, что я хочу – лишь донести до вас послание ангелов! – заверил я хозяина.

– И только? – скептически хмыкнул он.

– Для меня было бы великим счастьем, если бы вы взяли меня в ученики, поскольку всем известно, что вы можете заклинать духов и превращать одни вещества в другие, – признался я, опустив глаза. – Но боюсь и просить об этом.

– Хм... В ученики, говоришь? Что еще?

Я поднял на него глаза, и, поверьте, в них светилось одно лишь почитание:

– Ничего, ваша милость. Разве что...

Я запнулся, словно стеснясь, и успел заметить торжество, промелькнувшее во взгляде алхимика. Он решил, что разгадал меня, и сейчас я попрошу у него денег на обратный путь.

– Ну же, не стесняйся! – подбодрил он. – Говори смело!

– Если можно... глоток воды, ваша милость!

Я умоляюще посмотрел на него. И сэр Джон устыдился: спрятав глаза, он встал и громко позвал слугу, а когда тот явился, приказал накормить и напоить меня.

– Но лишь после того, как ты повторишь слова ангелов, являвшихся тебе, – строго обратился он ко мне.

О, не зря я всегда утверждал, что образование необходимо человеку, если он хочет чего-либо достичь в жизни! Латынь, которой пичкали нас в пору моего ученичества, оказалась как нельзя более кстати.

Придав голосу нежность, я постарался воспроизвести язык ангелов. Мои крылатые бестелесные гости говорили на смеси латыни с неведомым никому птичьим щебетанием,

которое получилось у меня весьма убедительно! Не упоминал ли я, что наряду со способностями к чревоуещанию (что так пригодились мне в дельце с юным Сибли) от природы обладаю даром подражания голосам? Да и сам мой голос, по словам других людей, оказывает на них гипнотическое воздействие своей мягкостью и бархатистостью.

– Подожди, не торопись! – воскликнул алхимик, внимательно прислушиваясь к моей тарабарщине. – Повтори-ка еще раз, как ты сказал вначале?

Я был готов повторять не один, а тысячу раз, делая вид, что сам не понимаю ни бельмеса из сказанного. По словам моих ангелов выходило, что они желают принести сэру Джону заслуженную награду за его труды и что его опыты по части превращений веществ и создания философского камня угодны высшим силам. Однако сами ангелы не могли сообщить ему свою волю, и потому хотели, чтобы он использовал меня.

– Почему именно ты?!

Он так и впился в меня взглядом, сдвинув брови. Что ж, отчасти его удивление было понятно: перед ним сидел человек, меньше всего похожий на посланника небесных духов. Я развел руками и изобразил на лице простодушное непонимание:

– Не знаю, ваша милость. Я и сам хотел бы знать! Мой ответ его не удовлетворил, но больше я ничего поведать ему не мог.

– Ну что ж... – сказал алхимик, поднимаясь, – пойдем, раз ты голоден и устал с дороги.

За трапезой он расспросил меня о том, кто я таков и из каких мест. Я поведал, обглаживая свиную ногу, что прибыл из Уорчестера, где помогал отцу в лавке, и вся жизнь моя прошла в небольшом городке. Там меня считали то сумасшедшим, то лгуном, а все потому, что с детства мне являлись ангелы. Священник даже объявлял меня бесноватым, сказал я, и пытался изгнать бесов, но лишь зря потратил свое красноречие и пыл на мальчишку, не понимавшего ни слова из его речей. Когда мне исполнилось тринадцать, видения прекратились и возобновились лишь теперь, когда под Рождество явились сразу несколько ангелов.

Тут я снова повторил свой рассказ, и Джон Ди слушал меня так же внимательно, как и прежде.

– Потом видений было много, – добавил я, – обычно – разные, но некоторые из них повторялись.

– Какие же, например?

– Вижу свет небесный, из которого выступает скала, а под скалой изливаются лиловые струи, числом семь, и каждая стекает сладким соком с небес на землю. А неподалеку, прикованный цепью к дереву, стоит осел и тянется к этим струям, но дотянуться не может, хотя цепь его – из волос, переплетенных в виде слов.

– Из волос, переплетенных в виде слов... – зачарованно повторил Ди. – Видения твои странны, что и говорить... Но, думаю, я знаю, как истолковать их.

Мне стоило труда сдерживать ухмылку. Он знает, как истолковать их, ха-ха! Конечно, я рисковал, почти в открытую высмеивая его, и если бы наш разговор слышал кто-то третий, уж он-то открыл бы глаза почтенному алхимику на то, кто представлен ослом в моем «видении». Но слуги стояли в отдалении, ожидая, пока мы насытимся, к тому же лица у них были такие туповатые, что я не уверен, смогли бы они понять хоть что-нибудь.

Такого рода рискованные шалости как раз по мне! Главное – сохранять серьезность, ибо люди, подобные Ди, не переносят даже намека на насмешку над собой. Тем забавнее было рисовать ему его же портрет, выставляя сэра Джона ослом.

Закончив трапезу, мой хозяин сообщил, что решил отвести мне угловую комнату, находящуюся по соседству с его лабораторией. Мои рассказы за столом окончательно убедили его в том, что я и впрямь из тех блаженненьких, которым доступно то, что недоступно куда более умным людям. Например ему, образованному человеку, которого льстецы называют мудрейшим из живущих, ему, к которому облеченные властью особы обращаются за сове-

тами, ему доныне не являлся ни один самый заваливающий ангел! Даже крыльями не махал издали, не говоря уже о том, чтобы что-то сообщать великому алхимику. И его милость горько сетовал на такую несправедливость. Не обидно ли, что человеку, многие годы своей жизни посвятившему общению с потусторонним миром, этот потусторонний мир показывает кукиш? Да-да, давайте называть вещи своими именами, не боясь грубости и отвергая лицемерие. Кто слышал о том, что к лучшему алхимику всей Англии обратились духи с каким-нибудь пустяковым предсказанием? А? Вот то-то же.

Неудивительно, что сэр Джон с таким жаром ухватился за меня, стоило только ему поверить в мою правдивость! Пусть ангелы не соблаговолили побеседовать с ним лично, но они послали дурачка, который сможет ему пригодиться.

* * *

Итак, уже к вечеру я оказался владельцем, пусть и временным, небольшой угловой комнаты в башне. Обставлена она была не в пример лучше, чем приемная зала – видно, сюда допускали немногих, и хозяин не боялся, что репутация его пострадает, если гость увидит мягкую постель. Конечно, она могла бы быть пошире, что и говорить, но не стоит требовать сразу слишком многого.

Окна башни выходили на Темзу. Сизая река перекачивала рыбацьи лодчонки у берега, и мне казалось, что я слышу ее плеск. То одна лодка оказывалась выше, то другая, поднятая волной, а когда ветер подул сильнее, лодки принялись сталкиваться бортами – они были привязаны слишком близко друг к другу. Тут же берег наполнился прибежавшими людьми, и я отчетливо слышал крики рыбаков. Вместо того чтобы заняться своими суденышками, они начали браниться, и дело грозило вот-вот перейти в драку. Мне стало смешно, и, будучи по натуре любителем непритязательных зрелищ, я непременно отправился бы к реке, если бы не предупреждение алхимика, что я могу понадобиться ему в любой миг. Что ж, в любой – значит в любой. Драки в Лондоне от меня никуда не уйдут, уж это несомненно!

Вечером хозяин занялся мною вплотную. Мы спустились в подвалы, где над перегородочными кубами поднимался пар, что-то плавилось в котлах, а на поверхности булькающей в чане блестящей жидкости, похожей на расплавленное серебро, лопались пузыри, насыщая атмосферу тяжелым запахом. Каменные своды над моей головой были свидетелями многолетних опытов: посреди черной копоти попадались сине-зеленые пятна, кое-где мелькали золотые бляшки и пугающими багровыми разводами манила арка в дальнем углу. Сколько я ни размышлял, так и не смог понять, что за вещество оставило этот след.

– Подойди сюда, Эдвард! – торжественным голосом позвал Ди. – Взгляни!

Я обернулся и увидел, что в руках у него сияет хрустальный шар размером с голову ребенка. От него во все стороны рассыпались блики, и свет исходил из самой сердцевины.

– Тебе показывали раньше магические кристаллы? – строго осведомился он. Я покачал головой, и впрямь зачарованный этим зрелищем.

Шар преломлял предметы, и пространство за ним было причудливо искривленным, будто ожившим. Ди осторожно положил свой магический кристалл на блюдо, обитое бархатом, и алый цвет бархата насытил внутренности шара, словно напоил кровью.

– С его помощью можно видеть будущее и прошлое, – тихо сказал алхимик. – Но я сейчас хочу проверить другое. Сможешь ли ты вызвать духов, заглянув в кристалл?

– Я попробую...

Некоторое время я стоял, вглядываясь в шар. Ди отошел на несколько шагов и наблюдал за мной из угла, почти скрытый в темноте. Чувства мои были обострены. Я ощущал, что это последняя проверка, и в ней таится какой-то подвох.

Я поводил руками над шаром, дотронулся до него – он был очень холодный – и вдруг понял, где скрыта ловушка! Обернувшись к Ди, я разочарованно покачал головой:

– Простите, ваша милость, но я ничего не могу увидеть. Может быть, дело в том, что я никогда прежде не вызывал ангелов сам, они первыми являлись ко мне. Мне жаль, что я подвел вас...

Я опустил голову и застыл, всем видом выражая огорчение и печаль. Ди шагнул ко мне, собираясь что-то сказать, но я дернулся и вскинул голову вверх:

– Что?..

Алхимик застыл на месте.

– Слышу... – прикрыв глаза, подтвердил я. Затем открыл их и, весь обмякнув, обратился к хозяину: – Мне был слышен шепот ангелов, говоривших, что это – не тот кристалл, который нужен, и духи не придут к вызывающему к ним. Простите, ваша милость, если я расстроил вас!

Но Ди вовсе не выглядел обескураженным – напротив, на лице его промелькнуло удовлетворение:

– Ты не ошибся, мой мальчик... Или, вернее, не ошиблись те, кто говорил с тобой.

Он взял магический шар с подноса, но теперь в движениях его не было и доли прежнего почтения. Сунув кристалл куда-то в угол, он вышел из подвала и вскоре вернулся с другим, почти неотличимым от первого. Разве что в нем присутствовал легкий оттенок розового.

Этот шар он тоже водрузил на поднос и сделал приглашающий жест. Стоило мне дотронуться до его поверхности, как я ощутил слабое тепло, как если бы кристалл долго лежал возле огня. Мною тотчас овладела уверенность.

– Вызываю тебя, темный дух, обитающий в этом доме, – забормотал я, – приди и говори с нами! Приди и говори! Приди и говори!

За моей спиной на открытом огне булькало серебристое варево. Я вновь закрутился волчком, сунул ладонь в карман и, замахав руками, словно мельница, незаметно подкинул щепотку порошка в огонь. Застыл возле шара, вскинув над ним руки, и громко завопил:

– Говори же с нами! Я чувствую, что ты здесь! Пламя позади вспыхнуло ярче и вдруг замерцало синими искрами. Ди негромко вскрикнул, расширив глаза.

– Темный ангел Уриэль говорит со мной... – прошептал я, водя ладонями над шаром, закрыв глаза. – *Proximus ardet Ucalegon!* Но избежать опасности можно с помощью женщины! Локоны как лилия, и кожа нежна, как утренний свет, что сокрыт в этом камне! *Periculum in mora*, потому действуй, не откладывая!

Я опустил руки, открыл глаза:

– Уриэль отдалился от нас, ибо сказал все, что хотел. Но я не понял и половины!

Джон Ди выдохнул и потер пальцами виски.

– Опасность близка, и медлить нельзя... – повторил он. – Выходит, я был прав в своих опасениях!

– Но что это значит?

– Интриги плетутся вокруг меня, вот что это значит! А я попустительствовал тем, кто стоит во главе заговора! Недаром меня предупреждали... – Ди осекся.

– Ваша милость, – воскликнул я с чувством, – если бы я мог помочь вам, я бы сделал все, что угодно! Пусть даже за это меня приговорили бы к повешению! Клянусь вам, проверьте меня, если хотите!

Алхимик был впечатлен моей готовностью отдать за него жизнь.

– Мальчик мой, – растроганно сказал он, взяв меня за руку, – прости, что я сомневался в тебе! Слушай, что предстоит нам завтра и в ближайшее время...

* * *

После разговора я вернулся в комнату, гордясь собой. Ловушка, которую я вовремя распознал, могла бы существенно сократить срок моего пребывания в поместье высокочтимого вельможи, ибо, несомненно, Ди задумал подсунуть мне первый шар в качестве проверки. Стоило бы мне притвориться, что я слышу голоса, и его туповатые слуги выкинули бы меня как шарлатана. Конечно же, магические кристаллы не могут быть холодными, ибо их хранят в теплых местах, чтобы в них не угасала жизнь. Хорошо, что я вовремя вспомнил об этом!

Итак, Джон Ди окончательно уверился в моих способностях и принял меня на службу. Мое вознаграждение отныне составляло пятьдесят фунтов в год. Не так уж мало, что и говорить! Но я жаждал большего, много большего... И старый глупый алхимик должен был помочь мне в этом.

Глава 3

Как только дверь захлопнулась, Тошка закрыла глаза и уткнулась лицом в ладони. Господи, они ушли! Оба! С самого утра кто-то один обязательно находился с ней в этом тесном помещении, на стенах которого висели десятки постеров с популярными певцами и полуобнаженными красотками, как будто его владельцем был подросток. Постоянное присутствие постороннего человека в одном с ней пространстве выматывало Тошку больше, чем словесные угрозы. Потому что оно было самой страшной угрозой.

Стул, стол да груда коробок в углу – больше в комнате ничего нет. Правда, Тошке щедро бросили целую пачку тетрадей. Ах да, еще воды! После того как ее покормили – она заметила, усмехнувшись, что вилка и нож пластиковые, но вряд ли это объяснялось заботой похитителей о ее жизни, – ей притащили канистру с водой и бросили стопку пластиковых стаканчиков. Последний раз она пила из таких, когда большой институтской компанией они решили отметить в весеннем парке окончание второго курса.

– Листики-чувыстики, – пробормотала Тошка себе под нос, вспомнив тот день и растопыривая пальцы – знак кленового листа. – Желтые чувыстики, красные чувыстики, мне дорожку выстелите.

Это был самый простой оберег, смешной, совсем детский. Впрочем, все ее обереги и заговоры были детскими. Может быть, поэтому они и помогали.

От «чувыстиков» сразу стало спокойнее. Обычно с помощью этой присказки она выбиралась из леса, если чувствовала, что заплутала. Может быть, подумала Тошка, «листки» помогут и здесь.

Она не переставала ругать себя за глупость и неосторожность. Когда раздался звонок в дверь, Тошка разговаривала с отцом, и ей сразу пришло в голову, что это приехал Макс. Арефьев не мог приехать, никак не мог – он сидел в своей дерегушке, а точнее, ходил, размахивая, будто косою, металлоискателем. Тошка представляла, как высокий широкоплечий Максим, в клетчатой рубашке, завязанной на поясе узлом, ходит по полю и прислушивается к пisku в наушниках. А физиономия у него при этом такая сосредоточенная, как будто он теореме Ферма доказывает, не меньше. Тошка давно заметила: чем глупее дело, которым занимается человек, тем умнее у него лицо.

Так что Максим никак не мог приехать, и не столько из-за своих поисков, сколько по другой причине, о которой Тошке думать не хотелось... Но она отчего-то решила, что за дверью обязательно будет Арефьев, и радостно спросила: «кто там?», поднявшись на цыпочки и заглядывая в глазок.

Кто-то стоял на площадке, она не разобрала, кто именно. Но когда ей ответили «Наташа, я от Максима Арефьева», то она, не рассуждая, отодвинула засов.

Дверь распахнулась с такой силой, что ударилась о стену. Два человека, показавшихся ей с перепугу огромными, как танки, влетели внутрь, и один зажал Тошке рот, а второй щелкнул замком. Она даже не успела ничего понять, только похолодела от ужаса.

– Орать не надо, – сказал на ухо Тошке тот, кто держал ее. Ладонь у него была грубая, шершавая, и от нее тяжело несло табаком. – Иди!

Девушку развернули в другую сторону, и, послушно переставляя ноги, она кое-как добрела – точнее, довела этих двоих – до своей комнаты.

Один встал в центре, разглядывая рисунки, другой подволок ее к стене и прислонился, прижав Тошку к себе.

– А прикольно здесь у тебя, – одобрил первый. Он был в короткой кожаной куртке, из воротника которой сразу вырастала бугристая голова, покрытая, будто нашлапкой, черной

вязаной шапочкой. Над приплюснутым и свернутым на сторону носом собрались две вертикальные кожистые складки, как у бульдога.

Второй убрал ладонь с ее лица, но другую руку оставил на Тошкиной шее.

– По... пожалуйста... – она боялась обернуться и стояла неподвижно, тяжело дыша и чувствуя, что вот-вот заплачет от страха. – Пожалуйста, н-н-не надо!

– Чего не надо-то? – заржали за ее спиной. – Еще не знает, чего не надо, а уже боится!

– Да ты не нервничай, – проникновенно сказал первый. – Нам от тебя только помощь нужна. Ты же умная девочка. Сейчас все прочитаешь, и мы уйдем.

– Что сделаю? – шепотом спросила Тошка.

Голос отказывался повиноваться. Все произошло слишком быстро, к тому же она не понимала, кто перед ней. Психи, которые сначала будут издеваться над ней, а затем заму-чают до смерти? Грабители, собирающиеся изнасиловать ее, а потом ограбить и убить? Наркоманы под дозой? Последнее меньше всего походило на правду... Кто? Кто?!

– Слышь, ты отпусти ее, – сказал первый, обращаясь к своему напарнику. – Пусть на стульчик сядет. Посмотрит.

– Орать начнет, – флегматично отозвался тот.

– Не начнет. Ты ж орать не начнешь, Наташа? – он подошел к Тошке и наклонился, сверля ее глазами. – А, Наташа?

Глядя на него, она отчаянно замотала головой.

– Ну вот и умница. Ты, главное, держи себя в руках. Ага?

Вонючая рука убралась с ее шеи, и Тошка сразу же машинально схватилась за горло, как будто ее душили.

– Иди, иди сюда. Сядь.

Ей указали на стул. Тошка подошла и села, ожидая, что ее привяжут, боясь поднять глаза на того, кто стоял у стены. Ей казалось, что она обязательно увидит страшное изуродованное лицо, не выдержит и закричит, и тогда ее сразу убьют.

Первый присел перед ней на корточки, но вместо веревки в его руках она увидела мятый листок бумаги.

– Вот что, Наташа... Нам знающие люди сказали, что ты во всяких шифрах разбираешься. Правда?

Она неуверенно кивнула.

– А у нас, такое дело, как раз оказалась записочка, которую малость зашифровали. Понятно объясняю?

Тошка снова кивнула. К панике прибавилось жутковатое ощущение абсурдности происходящего. «Записочка. Малость зашифровали».

– В общем, Наташа, – закончил человек в куртке, – без твоей помощи нам не обойтись. Вот. На, прочти.

Под перекрестными взглядами Тошка развернула листок. Сперва увидела квадрат, заполненный буквами, и даже не сразу поняла, что это такое. Затем взгляд упал на рисунок рядом с квадратом – цветок.

Ледяная волна накатила на нее с затылка, облила лицо, стекла по задрожавшим пальцам. У Тошки оборвалось дыхание, как случилось однажды, когда ей вздумалось искупаться в проруби.

«Максим!»

В тот же миг панический ужас, который Тошка испытывала с того момента, как ее отбросило дверью, отступил. Она наконец-то поняла, что происходит, и поняла, чего надо бояться. Это не наркоманы и не насильники. Хуже того, это и не грабители.

– Ну, читай, – поторопили ее. – Понимаешь, что здесь написано?

Второй – тот, кто держал ее, – шагнул от стены и оказался рядом, тоже присел на корточки. Минуту назад одна лишь мысль о том, что придется смотреть ему в лицо, вгоняла ее в состояние, близкое к потере сознания. Теперь Тошка подняла глаза, думая о том, что ей нужно запомнить этого человека.

Человек оказался совершенно никаким. То есть чем-то он был похож на первого: такая же куртка и шапочка на голове, только не черная, а темно-синяя... Но ни одной приметы, ни одной характерной особенности не было в этом лице, и даже выражения на нем никакого – ни угрозы, ни ожидания... Ничего. Пустота.

Тошка с полной уверенностью осознала, что если кто из двоих бандитов и убьет ее, так именно этот, и снова посмотрела на листок, а потом ему в глаза.

«Через кочку и сугроб, – быстро сказала она про себя, удерживая взгляд бандита, – мимо глаза прямо в лоб, отведи мою беду не на друга, а к врагу!»

– Ты че пялишься, я не понял... Любопытная, да?

Тошка поспешно отвела глаза. Сердце у нее колотилось, но она знала, что проговорила заговор как надо.

– Разобрала? – снова спросил ее первый, вставая. – Давай скорее, у нас дел много. Переведи, и мы пойдем.

Без парализующего страха Тошка начала соображать, и ум ее заработал, пока взгляд бегал по строчкам из непрерывных букв. Мысли приходили отрывочные, но вполне ясные. «Без масок... Не бояться, что я запомню... Пока не прочитаю – нужна. Потом убьют, сразу».

Что-то зажужжало, и черношапочник схватился за карман таким жестом, каким в вестернах хватаются за кобуру. Достав телефон, он поднес его к уху и очень вежливо сказал:

– Я слушаю.

– ...Вы закончили? – донеслось до Тошки после первых неразборчивых фраз, и она вздрогнула: голос был определенно знакомый. Громкость динамика оказалась недостаточно высокой для того, чтобы она разбирала все слова, но кое-что удавалось улавливать.

– Не совсем. – Говорящий покосился на нее.

– Нет. Десять, не больше.

– ...и выходите...

– Сделаем. Куда везти-то?

Тошка превратилась в слух. Сейчас ей нужно было только одно: чтобы говорящий, не обращая на нее никакого внимания, как будто она уже умерла и он обговаривает, куда везти труп, не двигался с места. Иначе она перестала бы слышать даже те отрывочные слова, которые выхватывала сейчас.

– Сюда... к нам, – донеслось до нее. – Пока... не шляется... ворота открыты... малолеток внутрь загнали...

Дальше пошло совсем неразборчиво, а тот, в черной шапочке, все послушно кивал – ему-то было понятно, куда везти Тошку. И вдруг она тоже ясно поняла, куда ее повезут. «Малолеток внутрь загнали!» Это была почти интуитивная догадка, но Тошка ощущала, что попала в точку.

Только туда. Там никто не догадается ее искать. Положив трубку, говоривший стянул свою шапочку и смял в кулаке.

– Ты прочла или нет? – грубо спросил он.

– Я сейчас попробую, – сказала Тошка и поднялась. Вместе с ней поднялся и тот, который сидел перед ней, и девушка оказалась ему ровно по плечо.

– Э, ты куда?

– Мне нужен лист и карандаш, они у той стены.

– На, в тетрадке напиши.

– Нет. Я не привыкла так работать, – она сама удивилась жесткости в своем голосе. – Я постараюсь расшифровать, но мне нужна привычная обстановка.

– Давай быстро, пять минут тебе даю.

Тошка подошла к стене, приколола новый лист ватмана поверх прежних рисунков, взяла синюю ручку и начала медленно писать, то и дело сверяясь с подсунутым ей листочком. После букв наступила очередь рисунка. Тошка выводила цветок в полной тишине, затылком ощущая тяжелые, давящие взгляды.

Когда она закончила, то для убедительности постояла перед получившимся шифром и лишь затем обернулась к своим сторожам:

– Не получается, – испуг в ее голосе был неподдельным. – Я попробовала первый способ, а он не подошел.

– А сколько всего способов?

– Ну... около пятидесяти, – она назвала первое пришедшее на ум число.

– ...! – выругался второй бандит. – И чего теперь?

Первый что-то сказал вполголоса ему на ухо, и оба посмотрели на Тошку. Она стояла – маленькая, вжавшаяся в стену, – и отчаянно молилась про себя о том, чтобы они не стали бить ее, а еще – чтобы не сорвали со стены то, что она написала.

– Пошли. Пошли, те сказали! Че стоишь? «Бить не будут. *Сейчас* не будут».

– Спустишься вниз, сядешь в машину, – лениво добавил второй. – Будешь хорошей девочкой – никто тебя не обидит.

«Лист не сорвут. Он им не нужен».

Тошку вывели из комнаты. Хлопнула дверь, сквозняк пронесся по квартире, подняв край листа, на котором был нарисован странный цветок, а рядом квадрат из букв.

* * *

В заключении она сидела уже сутки. На ночь ей принесли матрас и одеяло и даже любезно поставили ведро с крышкой, которое один из ее охранников, морщась, вынес утром. Она стала называть их Черный и Синий – по цвету шапочек. Синий был страшный. Черный тоже, но все-таки не настолько.

Утром она сказала, что на расшифровку, возможно, понадобится несколько дней. А может быть, и больше. Синий начал грязно ругаться, но Черный остановил его и вышел – Тошка не сомневалась, что позвонить. Так оно и было. Черный вернулся и спросил, что ей нужно для работы. И еще добавил, что ей заплатят и она может не бояться. В ее же интересах быстрее разобраться, что написано на листке.

«О да, заплатят!» В том, чем именно с ней будут расплачиваться, у Тошка не сомневалась с той минуты, как увидела послание Макса и поняла, что это такое. Было всего два варианта происходящего – и оба приводили к одному и тому же итогу.

Первый вариант такой: листок у Арефьева отобрали либо украли. Эти идиоты не понимают, что он написал, и хотят лишь одного – как можно быстрее расшифровать «квадрат». Значит, от Тошки требуется тянуть время и ждать, пока за ней придет Максим, который должен увидеть послание на стене. Если бандиты устанут ждать или найдут другого шифровальщика, они убьют ее.

Второй вариант Тошка почти не обдумывала. Эта вероятность подразумевала, что бандиты убили Макса – зачем им нужен конкурент в поисках клада? Однако сами расшифровать ничего не смогли, и потому захватили ее, Тошку, чтобы она помогла им. Как только она сделает это, ее убьют.

«Итак, результат в обоих случаях для меня один и тот же».

Математическая сторона Тошкиного ума говорила, что вероятность первого варианта близка к нулю. Тошка изо всех сил старалась заглушить этот голос, но он был неумолим. «Зачем красть то, смысла чего не понимаешь? Нет, они знали, что это такое. Они знали, что Макс пишет записки самому себе. А если ты все же права, и шифр украден, то Максим никогда не найдет твое послание, написанное от отчаяния. Он не попадет к тебе в квартиру. А те, кто попадет, не обратят на него внимания. Даже папа».

Тошка начинала напевать себе под нос, чтобы не слышать этого логичного голоса, не давать ему продолжать. Это были ее собственные мысли – и *она не хотела их думать*.

Вторая сторона, та, что отвечала за синих бегемотов с крыльями, работала вовсю: подсовывала подходящие случаю маленькие заклинания, вытаскивая их из закоулочков памяти. Этот голос почти неслышно твердил одно и то же: ты ничего не можешь знать наверняка, тебе нужно спастись, тни время и не думай ни о чем. Жизнь богаче твоих математических расчетов – иначе как объяснить, что вовремя сказанные слова могут помочь тебе вызвать троллейбус? Вот то-то же.

Тошка прислушивалась ко второму голосу и чертила абракадабру в тетради, чтобы охранники думали, будто она работает.

О том, что она верит в детские заклинания и придумывает их сама, знали многие, но только двое относились к этому серьезно: папа и Максим. Папа, когда Тошка была еще маленькой, как-то раз объяснил, что она использует очень сильное самовнушение – проще говоря, убеждает саму себя в чем-то.

– А почему тогда троллейбус приходит, если я три раза скажу: «рогатый-рогатый-приезжай-до-хаты-ты-с-рогами-не-свинья-а-где-хата-там-и-я» и крутанусь на носках? – спросила папу Тошка. – Значит, я его тоже убеждаю?

Папа не сразу нашелся, что ответить, но потом заговорил о том, что по теории вероятности... троллейбус... через определенные промежутки времени... Тошка вежливо послушала, хмыкнула и осталась при своем мнении.

Ее мир населяли существа – преимущественно доброжелательные, – главным назначением которых было защищать маленькую Тошку от разных пакостей. В одном взрослом фильме, который ей очень нравился, Тошка услышала чудесную песню. «Никого не будет в доме, – пел негромкий, чуть грустный голос, – кроме сумерек, один зимний день в сквозном проеме незадернутых гардин».

Тошка часто оставалась дома одна и больше всего не любила зимние сумерки, когда темнело и во вьюге за окном смутно угадывались всякие мелкие, но нехорошие создания, которых она опасалась. Поэтому песня была ей очень близка. Она слышала, как печально человеку, который поет ее, потому что он тоже один и боится.

Но затем песня его менялась. А все потому, что в ней появлялся кое-кто новый! Тошке особенно нравились эти строчки, она просто замирала, когда доходила до них.

«Но неожиданно
По портъере
Пробежит вторженья дрожь:
Тишинуша Гамемеря,
Тишинуша Гамемеря,
Тишинуша Гамемеря,
Ты, как будущность, войдешь...»

Тошка представляла себе большую, толстую, белую и очень добрую Тишинушу, которая, неслышно ступая мохнатыми тапочками, входит в дом, и все страхи сразу разбегаются по углам, а подлые сквозняки утекают через щели наружу. До тех пор, пока Тишинуша оста-

валась в доме, можно было ничего не бояться. Поэтому Тошка выучила песню наизусть и часто пела ее, разгоняя страхи.

Сейчас она тоже напела, почти бессознательно: «Никого не будет в доме...» – и осеклась на полуслове, спохватившись. В ее положении маленькие детские хитрости вряд ли смогли бы ей помочь.

Дверь открылась, вошел Черный, вопросительно посмотрел на нее.

– Шифр гораздо сложнее, чем мне казалось, – сказала Тошка, откладывая в сторону исписанную тетрадь.

– Вообще ничего не разгадала? Она покачала головой.

– Ну ты крутой специалист, значит, – желчно прокомментировал Черный. – И чего?

– Думаю, я все-таки на правильном пути. Но мне понадобятся кое-какие книги в помощь.

– Напиши названия, тебе купят.

– В продаже их нет, это библиотечные книги.

– Чего-о-о?!

– Библиотечные, – повторила Тошка. – Через два квартала от моего дома есть большая библиотека, мне понадобятся все книги, которые у них есть по определенной теме.

– Не жирно-то – все?

– Нет, их будет совсем немного. Это редкие книги. Возможно даже, что вам их не дадут на руки, и тогда придется копировать страницы.

– О чем хоть книжки-то? – обреченно вздохнул охранник.

– Об одной древней зашифрованной рукописи. Она называется манускрипт Войнича.

* * *

Много воды утекло с тех пор, как я вошел в дом Джона Ди, придворного королевского алхимика. Жизнь моя шла совсем не так, как прежде, и я все реже вспоминал те годы, когда вынужден был промышлять заурядным надувательством, чтобы прокормиться. В мире, где жил мой наставник – да-да, я давно уже называю его не хозяином, а наставником, – можно играть с размахом, и чем крупнее сумма выигрыша, тем меньше шансов, что тебя разоблачат. Большие деньги притягивают к себе лишь деньги, а вовсе не неприятности, как твердила моя недалекая матушка. Бедняжка надеялась, что таким образом поможет мне избежать соблазнов большого города, но, увы, я горел страстью проверить на собственном опыте ее теории притяжения. Результат оказался совсем не тот, на который она рассчитывала.

Но вернемся к *наставнику*. О том, что старый дуралей вовсе не пал с первого взгляда жертвой моего обаяния, я узнал много позже – из его собственного дневника, который исключительно удачно подвернулся под руку во время моей очередной экскурсии по обители Джона.

Надо ли говорить, что я пользовался возможностью изучить все потайные местечки его жилища при каждом удобном случае? Последний, к сожалению, выпадал куда реже, чем мне хотелось бы. Джон не любит часто покидать поместье, а когда уезжает, старается брать меня с собой.

Однако иногда мне удавалось под каким-нибудь предлогом остаться в доме. В тот, самый удачный, раз слуги собрались на кухне, и комнаты оказались в моем распоряжении. Дневник я разыскал в библиотеке за одной из настенных панелей, затянутых гобеленом.

Оказалось очень поучительно почитать, как отнесся ко мне мой почтенный друг. «Сегодня... десятого числа... явился ко мне человек, утверждающий, что слышит голоса ангелов и сам может говорить с ними. С его слов, ему немногим меньше тридцати лет. Телосложения он довольно плотного, и по облику своему более схож с хорошо пожившим соро-

калетним мужчиной, не чуравшимся радостей плоти, нежели с людьми своего возраста. Вид имеет лукавый и одновременно с тем простоватый. Нос мясистый, губы толстые, как у арабов, и очень красные, а глаза небольшие, черные, широко расставленные. Особенно же примечательны кисти его рук, выдающие в нем человека благородного происхождения».

«Вот тебе и старый дуралей!» – как сейчас помню, подумал я тогда, прочитав про кисти рук. Да, пожалуй, не стоило недооценивать наблюдательность моего хозяина.

В дневнике Джон выражался вполне откровенно. С каждым месяцем, проведенным рядом со мной, ему открывались новые грани моего характера, и старик поверял свои тревоги бумаге.

«При первой встрече он назвался Тэлботом, однако недавно выяснилось, что зовут его иначе – Эдвард Келли. В объяснение первоначальной лжи он начал плести что-то о своей покойной матушке, в честь которой выбрал это имя, однако я прервал его. Мне не должно быть дела до его выдумок. Он врет слишком много».

Да-да, дорогой Джон, ты даже не догадываешься, *насколько* много.

«Сегодня Келли был представлен ее величеству, и королева приняла его благосклонно. Наружность его кажется мне отталкивающей, а манеры мужиковатыми. Однако в присутствии ее величества Эдвард преобразился, как бывало с ним не раз. Я уже замечал, что он легко меняет личины, и это настораживает меня. С Елизаветой он был недопустимо развязен, и я полагал, что наше дело обречено на провал, а я жестоко скомпрометировал себя, добившись для Келли разрешения быть представленным ко двору. Однако случилось удивительное: ее величество соизволило рассмеяться на одну из его шуток и тепло побеседовала с нами...

...Я не раз обращал внимание на то, что, несмотря на уродливость своего облика, он привлекает женщин. Это кажется тем страннее, что его мнение о них крайне невысоко. Эдвард жесток и груб с ними, а его цинизм превосходит всякие границы! Даже свою жену, которую я так ни разу и не увидел за эти шесть лет, он не называет иначе как пустоголовой кобылой и не стремится к воссоединению с ней. Она ждет его в том городке, откуда он прибыл, но я не думаю, что надеждам ее суждено сбыться».

Мой бог, как можно так плохо разбираться в бабах! Я от души смеялся, читая его недомысленные рассуждения на тему, в которой он не смыслит ни бельмеса. Правда, в одном он угадал верно: я не собираюсь возвращаться к дурочке Маргарет и полагаю, что и она не жаждет встречи со мной. Под ее белым бочком, мягким, как перина, наверняка спит какой-нибудь тощий замухрышка: она всегда питала слабость к мелким мужчинам.

Читая записи Джона, уединившись в укромном уголке, чтобы никто из слуг не застал меня за этим занятием, я сделал одно важное открытие: Джон меня боится! Четыре месяца назад он написал: «Эдвард имеет странное влияние на меня, которое я не могу объяснить. Когда Эдварда нет рядом, многие его поступки предстают передо мной в таком свете, что я недоумеваю – как возможно терпеть рядом с собой такого скверного человека?! Но стоит ему появиться, и мои подозрения рассеиваются. Иной раз кажется, что он смотрит на меня как на ребенка, с ласковой улыбкой, но мне почему-то становится не по себе от чувства, что я вижу в его взгляде».

Два месяца назад: «Эдвард снова входит в контакт с духами. Нельзя не признать, что у него выдающиеся способности и без него нам не удалось бы добиться столь впечатляющих результатов, прославивших нас. К тому же он невероятно одарен в алхимии, и его опыты по превращению дешевых металлов в золото близки к завершению. Но, боюсь, временами он забывает о том, кому обязан всеми своими достижениями и тем положением, которое ныне занимает в обществе. Я часто напоминаю ему об этом, ибо греховное честолюбие может довести его до беды. Я забочусь о том, чтобы этого не случилось. Но третьего дня, когда я

вновь заговорил с ним о благодарности, он впал в ярость и стал похож на безумца! Видит Бог, я перестану это терпеть...»

Дальше текст оборван. Надеюсь, мой добрый Джон задумался о том, что произойдет, если он «перестанет это терпеть», и размышления отбили у него охоту писать дальше.

Итак, Джон по-прежнему считает, что я – талантливый подмастерье... Что ж, пускай. Его не убедили в обратном все те годы, что мы провели вместе, и он отказывается понимать, что уже много лет я тащу его за собой, а не наоборот. Его самодовольство огромно, как раздувшееся брюхо насытившегося паука.

Но самое важное, что я вычитал в записях Джона, заключалось не в том, что *он* думает обо мне, а в том, что думает обо мне *она*. Его жена.

О, Джейн! Джейн и Джон – чудесная пара: она на треть века младше его, и когда они рядом, то похожи даже не на отца и дочь, а на деда и внука. Белокурая Джейн с кроткими карими глазами! Она выглядела такой тихоней и скромницей, когда я впервые познакомился с ней, что я подумал: «Уж кто-кто, а она не представляет собой опасности». Перед супругом Джейн благоговеет, а досуг проводит в вышивании картин на библейские темы.

Я всегда был с ней почтителен и сдержан, а она со мной лишь сдержанна, без почтительности. Что ж, оно и ясно: кто такой для нее помощник и ученик ее мужа!

Когда Джейн стала проявлять к нашим занятиям чрезмерный интерес, я разбился в лепешку, но выхлопотал для нее место фрейлины у королевы. После чего решил, что избавился от возможного противника, и забыл об ее существовании.

Однако то, что я прочитал в дневнике моего наставника, не на шутку озадачило меня. «Джейн удивляется тому, как я могу терпеть проделки Эдварда. Она чиста и невинна душой, лишена мелочной жестокости, присущей женскому полу, и тем удивительнее слышать мне от нее слова упрека».

«... Джейн сегодня утром была бледна. Я обеспокоился ее здоровьем, но она заверила меня, что причина – в ее переживаниях обо мне. Как же я был растроган! Жена опасается, что растущая слава Эдварда может повредить мне. Голубка моя! Я объяснил, что в сравнении со мной Эдвард – никто, но она приводила все новые доводы и в конце концов заставила меня задуматься. Однако по зрелому размышлению я пришел к выводу, что беспокоиться не о чем, королева благоволит мне. Когда я сказал ей все это, мне показалось, что Джейн сердится, но она промолчала».

И, наконец, последняя запись о миссис Ди, сделанная всего месяц назад.

«Вернувшись, я застал ее заплаканной. Сперва она отказывалась выдать причину слез, но я настаивал, и тогда Джейн призналась: в мое отсутствие Келли вел себя непозволительно. Моему гневу не было предела, но жена умоляла меня не волноваться, поскольку волнение вредно для моего пищеварения, и в конце концов для ее спокойствия я пообещал, что не буду говорить с ним о произошедшем. Однако если он даст еще один повод, я вышвырну его как собаку!»

Лживая сука! Я выругался, но, забывшись, сделал это слишком громко. За дверью послышались шаги, и мне пришлось спешно скрывать следы своего пребывания в библиотеке, а затем прятаться самому.

Стоя между шкафом и портьерой, я обдумывал прочитанное. Значит, крошка Джейн тихо готовила наступление, пока мои войска были расквартированы на зиму... Лишена мелочной жестокости, как же! За все время, что я живу здесь, мне и в голову не пришло задуматься, как выглядят ее куриные ляжки под юбкой, а она говорит о «непозволительном поведении»!

До чего же вовремя я обнаружил записи Джона! Не нужно быть человеком большого ума, чтобы сообразить: поначалу мое присутствие не вызывало у миссис Ди возражений, поскольку она видела, что я полезен ее супругу. Будучи женщиной неглупой, она молчала

и наблюдала со стороны. Но что-то заставило ее изменить мнение, и хитрая бабенка принялась точить камень по капле. Продолжи она в том же духе еще пару-тройку месяцев, и мне пришлось бы оправдываться перед Джоном.

Но он-то как хорош! Прекрасно понимая, что не может выгнать меня, наш трусоватый алхимик решил прикрыться заботами о спокойствии жены. Думаю, последние лет десять он не согревал постель своей супруги, и в глубине души ему все равно, с кем она спит. Но статус рогоносца Джону не по вкусу. Что ж, надо подумать, как обратить ситуацию в свою пользу.

Весь день я ломал голову, пытаюсь понять, как же справиться с внезапно возникшей напастью. Больше всего меня выводило из себя то, что в обвинениях Джейн не было и капли правды! Ну не смешно ли, что поклеп на меня возводит именно та женщина, к которой я не прикоснулся и пальцем?!

Подумав об этом, я остановился, не дойдя шага до своей комнаты. Дьявольский план забрезжил голове, и в ту секунду, когда взгляд мой упал на картину напротив двери, он сложился целиком. На картине Сусанна целомудренно прикрывалась от похотливых старцев. Я от души захохотал, поскольку ценю хорошую шутку, а эта обещала стать просто отменной.

Когда Джон вернулся из своей отлучки, все было подготовлено.

Мы давно уже ставили опыты по преобразованию меди в золото и изрядно продвинулись на этом пути, но в этот вечер все пошло не так. Сперва при нагревании металла в тигле последний неожиданно треснул, и горячая медь едва не ошпарила Джона.

Следом отказала одна из горелок, лишь недавно собранных мастером по моему рисунку. Чан стоял именно на этой горелке, и падение температуры нарушило условия опыта. Пришлось прервать его.

Мы начали все заново, но в ответственный момент с балки над нашими головами упал обломок кирпича. Разрушений он причинил немного, но нужный нам раствор был безнадежно испорчен.

Тогда меня «осенило»:

Мне кажется, что все эти неудачи – неспроста! Нет ли в том указания высших сил, учитель? Быть может, наше стремление к превращению дешевых металлов в золото неуместно им?

Если бы то было стремление к обогащению, я бы согласился с тобой, – сердито возразил он. – Но мы – ученые, что бы ни болтали скептики! Эксперимент должен быть завершен.

Что ж, мы попытались завершить его. Но внезапно пламя под тиглем вспыхнуло с такой силой, что я отскочил и случайно опрокинул банку с порошком, сделанным из кости красного единорога, – большая ценность! Банка не разбилась, но крышка ее отчего-то оказалась незакрытой, и нам с учителем пришлось поползти на корточках, осторожно собирая дорогой порошок.

После этого измученный Джон признал, что, похоже, я прав. Мне даже не пришлось подсказывать ему мысль обратиться к духам – он и сам решил, что можно потревожить их, раз дело касается такого важного вопроса. Извлекли магический кристалл, и я приступил к беседе с высшими силами.

В ту ночь ангел возвестил удивительное: неудачи наши объяснялись тем, что мы с Джоном были слишком далеки друг от друга. Превращение металла в золото – тонкая материя, необычайно чувствительная к личности алхимика. Мы делили с Джоном кров и пищу, возвестил ангел, но для того, чтобы подняться на завершающую ступень, должны владеть сообща своими женами.

О, вытянувшееся лицо сэра Ди доставило мне немало удовольствия! Он потребовал от меня уточнить у духа, что тот имеет в виду. И я уточнил.

Скажу не скромничая, в ту ночь я был в ударе! Латынь изливалась из меня как вода из родника, а те доказательства, которые «духи» привели для подтверждения своей правоты,

не смог бы опровергнуть даже профессор логики. Я сыпал образами, от которых у старика кружилась голова, и разворачивал перед ним такие картины счастливого будущего, что час спустя он окончательно убедился: необходимо пожертвовать малым, чтобы достичь большого. К тому же духи описали все так, словно никакой жертвы и не ожидалось. Женщине предстояло сделать то, для чего ее уготовила сама природа, только и всего.

Жаль, я не присутствовал при разговоре Джона с его супругой. Не знаю, разгадала ли она мою хитрость... Как и ее муженек, Джейн была убеждена, что я действительно общаюсь с высшими силами и мне подвластно многое, недоступное обычному человеку.

В этом, стоит сказать, она не ошибалась. В первую же ночь, которую мы провели с ней, я показал Джейн, на что способен рассерженный мужчина. Думаю, за всю ее жизнь бедняжке никто не преподавал таких уроков.

Сперва я собирался потратить неделю на упрочение нашего с Джоном духовного родства, но потом решил уменьшить этот срок. Его супруга на мой вкус была пресновата, и потому «владение» сократилось до трех дней. Была и еще одна причина, почему я пощадил Джейн. На третий день она постучалась в дверь моей комнаты и, стоило мне открыть, без слов протянула ожерелье, которое я не раз видел на ее тонкой шейке – двенадцать ровных, крупных изумрудов сверкали в нем. Щеки Джейн алели, глаза были опущены, и, вложив украшение в мою руку, она повернулась и поспешно удалилась.

Решила откупиться от меня подобным образом? Что ж, я был не против. Уж не знаю, как она объяснила исчезновение ожерелья своему супругу, но только с того времени оно хранилось в моем тайнике.

Конечно, я был готов предоставить и свою жену в распоряжение наставника! Но Джон отчего-то не проявил прыти, когда я предложил ему разыскать Маргарет. Я не настаивал.

Но как бы ни была сильна вера Джейн в мои способности, думаю, у нее зародились кое-какие подозрения. На второй день благодаря моей привычке бесшумно передвигаться я стал свидетелем того, как Джон увещевает свою супругу «смириться и потерпеть», а она возражает, повысив голос. Но здесь Ди оказался непреклонен: за эти годы ангелы всегда вели его верным путем, ни разу не посоветовав плохого. Значит, и в этот раз Джейн должна быть послушна их воле! Когда женщина зарыдала, он, вместо слов утешения, произнес грозную речь о ее дальнейшей участи и вышел, оставив супругу в горе, а меня – в восхищении.

Я решил, что такая преданность науке должна быть вознаграждена, и потому на четвертую ночь я достал из тигля золотой слиток – итог нашего «обмена».

Вы одолели третью ступень, учитель! – благоговейно сказал я старику, вытаскивая заранее подготовленное золото из формы.

Мы одолели, мальчик мой, мы вместе! – поправил меня Джон, и на его глазах мелькнули слезы радости, когда он принял слиток.

Скажу откровенно, у меня и самого потекли слезы, но по совершенно другой причине. Много раз за эти годы меня распирало от сдерживаемого хохота, но в этот, последний раз, самообладание далось мне с особенным трудом. Когда Джон ушел, чтобы возвестить супруге благую весть, я свалился на каменный пол, корчась от гогота, и тоже вознес молитву высшим силам – в благодарность за то, что они создали дураков.

* * *

Итак, семь лет спустя после того, как я перешагнул через порог дома Джона Ди, можно было сказать без ложной скромности: я, Эдвард Келли, добился очень многого. Последний хитроумный шаг помог мне избавиться от единственного противника, которого стоило опасаться. Джейн теперь боится меня до дрожи, и правильно делает. Вдруг ангелы прикажут ей

покинуть поместье и отдаться первому встречному рыбаку на побережье Темзы? Теперь-то она точно знает, кого станет в этом случае слушаться ее супруг!

И все же нельзя сказать, чтобы я был полностью доволен своей жизнью. Меня не покидает чувство, что все происходящее есть лишь прелюдия к чему-то большему, значительному, тому, что прославит мое имя в веках. Не стану скрывать, честолюбие мне не чуждо. И чем ближе я к людям, которых прославляют толпы невежд, тем сильнее во мне недоумение: за многих из них я не дал бы и пенни! Пустобрехи, годные лишь на то, чтобы беззастенчиво льстить власть имущим; наследники огромных состояний, высокомерные и ленивые; удачливые прохвосты, умеющие из любой услуги извлечь выгоду... Где-то над ними должно найтись место и для меня, да такое, чтобы никто никогда не смел попрекнуть Эдварда Келли низким происхождением или темным прошлым. А для этого нужны богатство и официальное признание моего положения в обществе.

Ни того, ни другого мой старый наставник уже не может мне дать. Все чаще я задумываюсь о том, что наши пути должны разойтись.

Старый Джон Ди, увы, начисто лишен духа авантюризма. Его состояние заработано праведным трудом, и сам он искренне верит во все, чем занимается. Но я не готов до старости лебезить перед ее величеством, отличающейся вспыльчивым и злопамятным характером, и уж подавно не собираюсь возиться с колбами и ретортами. Будь моя воля, каждую из них в лаборатории Джона я наполнил бы ослиной мочой.

Нет, мне уготован иной путь... Поймать удачу и получить все и сразу – вот чего я желаю! Прошло то время, когда я терпеливо ждал и сносил нравоучения наставника: теперь наступила пора действовать самому.

Но Джон все еще нужен мне. Без его помощи я не смогу проникнуть в те круги, где восхождение мое станет лишь вопросом времени. О, у меня давно уже вызревает план, который позволит добиться желаемого!

Английский двор тесен Эдварду Келли, в нем я никогда не избавлюсь от клейма «помощник великого Джона Ди». Иное дело – двор Рудольфа Второго в Пражском Граде. Император покровительствует наукам и искусствам, и говорят, что художникам и ученым хорошо живется в Праге.

Но предпочтение Рудольф все же оказывает не им, а астрологам и алхимикам. Говорят, они осыпаны золотом и якобы император даже приказал высечь из мрамора скульптуры многих из них. Теперь статуи этих ученых украшают его дворец. Где вы видели такого правителя?

Я чувствую, что мой путь лежит в столицу Священной Римской империи! Однако мне необходимо, чтобы со мной отправился Джон. Прибытие одного Эдварда Келли, конечно, не останется незамеченным, но этого недостаточно. Я должен предстать перед императором так, чтобы все запомнили мое появление!

Что ж, решение принято. В Прагу!

Глава 4

1999 год.

Выжженные в начале мая склоны оврага уже поросли свежей травой и кустиками земляники, на которых белели мелкие цветы. Пожары прекратились, но ветер все равно разносил в воздухе отголоски запахов кострищ, приправленные пылью.

Время от времени Тошка наклонялась, надеясь найти ягоды, и каждый раз обиженно фыркала.

– Ну нету сейчас земляники, – бубнил шедший за ней следом Лешка, почесывая расцарапанный локоть. – Рано ей, понимаешь? Ты бы еще арбузы здесь искала.

Тошка отмахивалась от него и через каждые десять шагов снова ныряла вниз, вороша кустики.

– Ну все. Пришли, – молчавший до этого Максим спрыгнул с бугорка и остановился возле полуразрушенной скамейки, притащенной сюда неизвестно кем и когда и торчащей из земли наискось, как ледокол, застрявший в льдинах.

Ребята стояли на дне большого оврага, оглядывая склоны: один отвесный, почти как скала, второй пологий, бугристый, кое-где взъерошившийся кустарником.

Ты уверен, что начинать надо отсюда? – в сотый раз спросил Лешка.

Уверен, уверен. – Из кармана рюкзака Максим вытащил помятый свиток, развернул. – Во, смотри!

«От остова чудища путь твой начнется,
И пусть проведет он тебя до колодца,
Где новые тайны под саликсом ждут.
Раскрой их – и к цели они приведут».

– Колодец – это точно бывшая скважина, – утвердительно сказала Тошка, балансируя на скамейке. На уцелевшем углу спинки виднелась полустертая резьба – морда дракона. – Леха, кончай нудеть! Пошли скорее, а то я в яичницу испекусь!

Лешка вздохнул, вытер ладонью пот, оставив на лбу серые полосы, и вразвалочку двинулся вперед. Тошка с Максимом зашагали за ним.

Случайный встречный, увидев этих троих, решил бы, что двое из них – брат и сестра. Лешка с Тошкой в самом деле были похожи – на первый взгляд. Баренцев – невысокий, коренастый, с выгоревшими вихрами, вечно ухмыляющийся щербатым ртом. Летом волосы его из русых становились совсем льяными, а на носу высыпали веснушки. Такие же веснушки появлялись и у Тошки, особенно щедро осыпая самый кончик носа, который от этого казался обгоревшим.

Тошка тоже была низенькая и крепенькая, с круглой головкой, из макушки которой, как хвостик из редиски, торчали перехваченные резинкой светлые волосы. Стоило им отрасти, как Тошка тут же обгрызала кончик хвоста, регулируя таким образом длину волос без помощи парикмахера. Голубые глазищи в пол-лица смотрели на мир доверчиво и просто.

А вот Лешка, хитрец, всегда шурился, словно оценивая положение дел. Баренцев был третьим ребенком у матери, продавщицы продовольственного магазина, воспитывавшей детей без отца – тот бросил их как раз тогда, когда младшему Баренцеву исполнилось два месяца. Мать самым действенным средством воспитания детей считала подзатыльник, а в особо тяжелых случаях – ремень. Два старших брата не упускали случая подраться друг с

другом, при этом частенько доставалось и самому младшему, а мать, разняв их, наказывала всех без разбору. Поэтому Лешка привык к бдительности.

Темноволосый Максим Арефьев был выше Лешки почти на голову, но в отношении приятеля Баренцев занимал покровительственную позицию. Конечно, ума Максу было не занимать, это все признавали. Но только ум его был какой-то странный – направленный не к собственной выгоде, а к чему-то непонятному, что и объяснить сложно.

Взять, например, эти их с Тошкой игры в шифры. Тошка-то ладно, она девчонка, ей, можно сказать, положено всякой ерундой увлекаться. Но когда парень четырнадцати лет, вместо того чтобы гонять мяч, сидит над энциклопедией и изучает, какими кодами пользовались древние египтяне – этого Лешка понять не мог. Когда при нем Максим с Тошкой принимались обсуждать какую-нибудь очередную идею, он быстро начинал скучать и старался отвлечь их. Ведь хорошие ребята оба, просто отличные! Мути бы вот только в голове поменьше, и было бы совсем классно.

Но именно благодаря «мути» в голове Максима Арефьева они сегодня отправились на поиски.

На поиски клада!

Вообще-то все началось с отчима Макса. Тетя Таня, Максова мать, год назад вышла замуж за какого-то непонятного типа. Типа звали Борисом, он носил короткую бородку и ко всем обращался на «вы», даже к Лешке, чем при первом знакомстве вверх Баренцева в оторопь. Поначалу Максим говорил о новом члене семьи скупно и неохотно: упомянул лишь, что Борис Осипович – переводчик, как и мать, и что его родной дядя «этой рожей сильно недоволен». Так высказался сам дядя в присутствии своей сестры, после чего Татьяна выставила его из своего дома.

– А чем твоему дяде новый мамкин хахаль не приглянулся? Пьет, что ли?

Максим покосился на Лешку, покачал головой:

– Да ты что, он вообще непьющий. Не знаю я, почему не понравился! У дяди Саши с мамой даже ссора из-за этого вышла. Они думали, я сплю... А теперь дядя Саша к нам больше не заходит. Мать ему по телефону сказала – когда перестанешь быть хамом, придешь.

Лешка понимающе кивнул. Ему было понятно, за что не любить какого-то левого мужика, которого притащила в хату Максова мамаша.

Однако постепенно в настороженном отношении Макса к отчиму произошла перемена. Он и сам не мог бы сказать, когда начал называть этого чужого человека дядей Борей и радоваться ему куда больше, чем родному дядюшке. Борис Осипович оказался для него кладезью информации, он много занимался с мальчишкой и притаскивал ему всякие забавные вещицы вроде головоломок или тех же энциклопедий, которыми Макс зачитывался.

А на Максов день рождения и вовсе придумал нечто удивительное. Пригласил зайти в гости Тошку и Лешку, ненадолго оставил их, недоумевающих, в комнате вместе с Максом и вскоре вернулся с бутылкой в руках. Бутылка казалась жутко пыльной на вид, и пробка у нее была залита чем-то, похожим на блестящую глину. Тошка потом сказала – «настоящий сургуч». Во как!

– Это – не подарок, точнее – не совсем подарок-суховато, как всегда, сказал Борис Осипович, поблескивая очками. Может, и суховато, но глаза за очками у него были хитрые-хитрые, как Лешка заметил. – Здесь, Максим, находится инструкция. Если ты будешь следовать ей, то сможешь отыскать клад. Инструкция зашифрована, но я надеюсь, Наталья и Алексей тебе помогут. На их знания и сообразительность я возлагаю большие надежды.

Так и сказал – «возлагаю большие надежды» – и еще слегка поклонился в сторону Тошки. Та покраснела и стала похожа на редиску.

Кстати говоря, Максиму на четырнадцать лет надарили кучу других подарков, Лешка видел. Но загорелся он именно от этого, как только до него дошло, что предлагает ему дядя Боря.

– То есть – что, самый настоящий клад? – недоверчиво уточнила Тошка.

– Ценный? – встрял Лешка.

– Безусловно, настоящий, – согласился дядя Боря. – Насчет ценности возможны расхождения во мнениях, но лично я считаю его ценным.

Он протянул бутылку Макс, зачарованно принявшему ее в ладони, улыбнулся и, кажется, хотел погладить пасынка по голове... Во всяком случае, рука его потянулась к Максовой башке. Но затем дядя Боря как будто спохватился, что руки у него пыльные, и, извинившись непонятно за что, вышел из комнаты.

– Открывай давай! – с азартом воскликнул Лешка, едва Борис Осипович вышел из комнаты.

– Да погоди ты... открывай! Сначала надо сообразить, как ее открыть!

В конце концов бутылку попросту разбили. Внутри оказался свиток, испещренный буквами. Вверху свитка было написано: «Ave Caesar».

– Это что?.. – нахмурилась Тошка.

Макс постоял, глядя на развернутый свиток и шевеля губами, и вдруг поднял на друзей просветленный взгляд:

– Аве Цезарь! Народ, это шифр Цезаря! Точно! Давайте сюда тетрадь...

Написанное разгадали через пятнадцать минут. Только с ключевым словом пришлось повозиться, пока Тошка не догадалась, что это «Цезарь» и есть. Лешка только глазами хлопал, пока друзья подставляли нужные буквы взамен той белиберды, что написана в свитке. Не зря все-таки Тошка с Максом просиживали штаны над всякой закодированной ерундой!

В итоге они получили указание о том, где искать вторую подсказку. Когда вся троица с горящими глазами промчалась к входной двери мимо тети Тани и дяди Бори, те довольно рассмеялись им вслед.

Три подсказки они нашли спрятанными в разных местах двора, и последняя недвусмысленно отправляла их в овраг. Максим помнил, что именно полузарытую в землю скамейку дядя Боря, увидев, назвал остовом чудища и тут же рассказал Максиму о том, что драконы действительно существовали на Земле.

Поэтому сегодня, без тени сомнения прогуляв школу, они с самого утра рванули к оврагу, не дожидаясь, пока солнце начнет припекать. Вторая половина мая выдалась жаркой.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.